

смена

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК СКПИГ "ПРАВДА"

Из дневника героической обороны

1 октября 1936 г.

Банды генерала Франко, поддерживаемые авиацией, танками и артиллерией немецких и итальянских интервентов, подходят властолюбиво к столице демократической Испании. Враг у порт Мадрида!

2 октября

Мадридский комитет Всеобщего рабочего союза призывает рабочих социалистической Испании встать на защиту столицы. Образуется фронт из борцов из представителей всех политических и профессиональных организаций. В ответ на обращение Пасионарии группы рабочих и интеллигентов выходят на окраины столицы ринты, окопы. На стоящие кварталы строятся баррикады. Впереди — самолеты мятежников совершают воздушное нападение на Мадрид.

9 октября

Комиссия обороны Мадрида выает в первом своем манифесте: «Лозунг «Они не пройдут!» должен быть заменен лозунгом «Умреть, но не отступить!»

13 октября

В ответ на приветственную телеграмму председателя Испанского совета министров Ларго Кабальеро председатель ЦИК ССРР тов. Калинин отправляет Ларго Кабальеро телеграмму следующего содержания:

«От имени правительства и тружеников Союза Советских Социалистических Республик благодарю Ваше правительство за то, что оказалось случаем передать революционному правительству и героическому народу дружественной Испанской Республики наши самые сердечные пожелания успехов в их борьбе за свободу и право народа».

В тот же день Федерации общинной кооперации молодежи Испании организовала в Мадриде грандиозный митинг молодежи, посвященный обороне столицы. На митинге выступил министр пострадавших для Алварес де Бельтран, который свою речь сдедулировал словами: «Больше назад Мадрид сумел отбить атаки, покончил свое имя морозной смертью. Но тогда не было еще организованного пролетариата — класса, уверенного в своей исторической судьбе не было тогда, у народа Мадрида не было, что он мог сказать против Испании. Каждый из вас должен взять на руки, или кирку и лопату, чтобы выдать мотив фашизму».

16 октября

«Мадрид. Центральному Комитету коммунистической партии Испании. Генералиссимус Хосе Дикс.

Тренирующиеся Советского Союза выполняют лицо своим доли, оказывая помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от этого фашистского реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

Братский привет!

Н. СТАЛИН».

28 октября

В портах, занятых мятежниками, германские и итальянские пароходы выгружают оружие. В пути находятся итальянские суда, которые ведут мятежникам 90 самолетов.

29 октября

Правительственные войска начали наступление. После очистки боев вновь заняты Торрихон де Валдесес, Торрихон де ла Калада и Сесена — пункты, которые, находясь в руках мятежников, создавали серьезную угрозу Мадриду. Правительственная авиация бомбардирует аэродромы мятежников в Касаресе, Севилье и Гранаде и уничтожает несколько десантов неприметных аэропланов.

2 ноября

Получив значительные подкрепления, мятежники усиливают воздушную бомбардировку столицы. Нападение на деморализовано. «Гардия сограждан способствует в удачном испытании», — пишет «Гайма».

6 ноября

Генерал Франко отдает приказ — взять Мадрид 7 ноября. Санкционирован на мадридском уровне все марксистские части и иностранный легион, мятежники начали наступление.

8 ноября

Мятежники не продвинулись ни на один шаг.

9 ноября

С утра самолеты мятежников бомбят центральные улицы и правительственные здания столицы. Марксисты пробуют ворваться в Мадрид. Дружинники с пением «Интернационала» бросаются в бой. Попытки фашистов обойти его с юга, у реки Харама, и перерезать сообщение Мадрида с Валенсией терпят неудачу.

1 декабря

Очесточенный бой на центральном фронте. На участке Паско-Касмала две роты интернациональной бригады многократно проходят в штыковую атаку. В Ка-

са дас Кампин впереди штурмующих частей надают подвздошные интендантские бригады. В Университетском городе бой продолжается с вечера 12 часов. Мародеры пускают в ход танки, бронеками, минометы.

19 декабря

После затишья, вызванного плохой погодой, снова воспользовавшиеся истребителями отгоняют от Мадрида воздушных пиратов.

3 января 1937 г.

Начинается наступление мятежников на Испанскую армию на североиздание от Мадрида. В наступавших широких врага ведут «белокурые маляры» — солдаты и офицеры германской армии.

11 января

Наступление мятежников на североиздание имело целью отстроить Эскориальскую группу от Мадрида, кончиная полной неудачей. Контрнаступление правительства отбрасывает мятежников на исходные позиции.

В Мадриде недавно подготовка для реорганизации армии в легкую армию. Генерал Миха поднимается призрачно, обозначаясь асами мужчин в возрасте от 20 лет, способных носить оружие, вступить в армию.

29 января

Западный парк полностью очищен от мятежников.

11 февраля

Каждый бомбардировщик мятежников охраняется шестью истребителями, но если кто-то влетает среди них — погибает один из машин.

Мадрид покореному не приступен. Попытки фашистов обойти его с юга, у реки Харама, и перерезать сообщение Мадрида с Валенсией терпят неудачу.

1 марта

Коэльо правительства войск вокруг части Университетского города, поддержанной мятежниками, продолжает символическую Озера. Она за второй раз стала морем, заложенными ильицерскими частями правительственных войск.

По сведениям газеты «Юте», с 26 декабря в портах, вдающихся под контролем мятежников, высадилось 45 тыс. итальянских солдат и офицеров. Все они принадлежат к регулярным частям итальянской армии.

2 марта

В процессе наступления подавленного и введенного в действие «Межнародного соглашения о добровольческих итальянских фашистском правительстве продолжает послать свою войска в Испанию. В Кадисе синие высадились 2500 солдат. Высадку призывают итальянский эскадренный миноносец.

8 марта

В районе Гвадалахара началось погоню по счету большого наступления на Мадрид. На этот раз его ведут итальянцы и германские интервенты — итальянцы и германо-турецкие части. Полк ударили танков, авиации и тяжелой артиллерии правительственные части пронуждены отступить. Итальянское командование ввел в дело около 4 стрелковых дивизий.

12 марта

Наступление в районе Гвадалахара пристоанено в 12 километрах южнее Бригунти. В этот же день правительственные войска, поддержаные своими резервами, с боем, потерявшие тем самым большую часть техники, перешли в контратаку, уничтожив итальянские танки, автомашины, обращая итальянскую пехоту в беспорядок. Сотни солдат Муссолини сдаются в плен.

20 марта

Одержанная крупнейшая победа за все время войны. Остатки трех итальянских дивизий, понесших огромные потери (до 10 000 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен), отступают к Сицилии. Правительственные войска — в 6 километрах от этого пункта...

* * *

Ограниченними возможностями языка, я не могу выразить на этом прорвать линии герояческой обороны Мадрида.

Борьба продолжается. Народная армия Испанской республики, окружена в боях, под руководством своих командиров научилась не только обороняться и наступать. Она на деле доказала это, что «Мадрид — Аланс-Альбас» и подступы к нему итalo-германским завоевателям накрепко закрыты.

Журнал
рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ

Смена

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Март 1937 года
Номер третий
Год издания XIV

НОМЕР ПОСВЯЩАЕТСЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИСПАНИИ

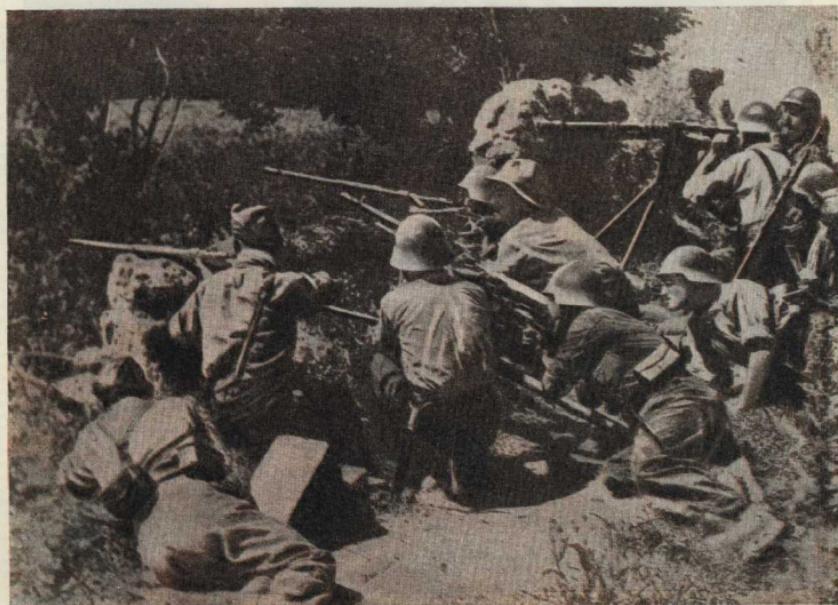
В окопы, к бойцам республиканской армии, пришли мать и сестра. Старуха не может отвести от сына глаз. Сестра снабжает брата противогазом. Мужественные женщины Испании гордятся своими сыновьями и братиями,вшими винтовки, чтобы очистить страну от фашистских банд генерала Франко и полчищ итalo-германских интервентов.

Фото Альбера и Сеговии (Испания).

РЯДОМ С НИМИ

Закрываю глаза —
Самшу: темное время течет...
Закрываю глаза —
Самшу: тонко стручит пулемет.
Есть особого рода военная хитрость — не спать.
Закрываю глаза —
Кто-то дышит над ухом опять...
Это даже не сон
Это даже не сон...
Сон изнанка:
Как и многое других,
На два дома теперь я живу!
Это сердце мое удивительной жизни полно:
Пропадает
И снова
Когда прибывает оно.
Это сердце заново
За прав Пиренейских высот,
Это сердце мое
Оборонную службу несет!
Скоростной истребитель, внезапно решающий
бой, —
Это сердце мое!
Друг, ты видишь его над собой!
Это сердце мое
День и ночь,
День и ночь

Начеку —
Подпираюсь
Бойцом
В интернациональном полку...
Закрываю глаза —
Самшу говор первуской реки,
Вновь дыханье товарища слышу у самой
Щеки...
Дышинь?
Значит, ты жива!
Если девушка,
Значит, жива...
Это даже не сон. Это служба моя
такова!
Самши: время течет,
Подпирается наше течь...
Повсюду
Понятнее
Стала испанская речь.
Четко в памяти пишется
Перечень кровных обид.
Все ты дышинь, мне слышится,
Значит, мой брат не убит.
Да, брат, ты заслужил труд —
Ничего ни на час не забыть!
И тебя не убьют:
Я тебя не позволю убить.

Бойцы республиканских войск на фронте Теруэля обстреливают скопление мятежников.

Фото из журнала «Мундо график».

Только что пролетели фашистские бомбардировщики... Одна из зал дворца герцога Альбы, где хранились замечательные произведения искусства.

Фото Майо (Испания).

АИОН ФЕЙХТВАНГЕР

ПИСЬМО В «СМЕНУ»

Враги человечества

Каждого, в ком сохранилась хоть капля того, что называется гуманизмом, глубже всего в испанских событиях должно затрагивать наглое извращение понятий фашистами. Испанские фашисты ведут за собой против испанского народа орду немецких, итальянских и марокканских наемников— и называют это «национализмом». Они бомбардируют города, убивают десятки тысяч детей и женщин, разрушают жилища и произведения искусства — и называют это «цивилизацией». На самом же деле они искоряют цивилизацию и уничтожают науку, искусство и литературу.

Мир спокойно созерцает все это.

Западноевропейская цивилизация стала старой и беззубой, она не хочет видеть того, что происходит в Испании, в лучшем случае она ограничивается беспомощным пренебрежением.

Какое счастье видеть, что к востоку от этого увядшего старого мира поднимается новое поколение — пылкое, но, однако же, умеющее подчиняться определенному порядку и дисциплине, и восстает против этого позора!

В Советском Союзе, обогатившем меня множеством впечатлений, одно из наиболее ярких и волнующих — ваше отношение к Испании, юные товарищи!

Саша Рейхтвандер

Правительство испанской республики принял все меры для того, чтобы спасти от налетов фашистских бомбардировщиков сокровища искусства, сосредоточенные в государственных музеях. На снимке: девушка — представитель государственной комиссии изящных искусств — помощью молодых бойцов составляет описание спасенных картин однотип из испанских музеев.

Снимок из журнала «Сфир».

Лев НИКУЛИН

Наследники славы Испании

Наш великий национальный поэт Пушкин очень высоко ставил испанскую литературу. Он изучал испанский язык и для уединения находил в Испании уединение. В русской книге перевода Сирвантеса «Читаничес». В 1834 году Пушкин в статье «О русской литературе с очерком французской» написал следующие замечательные слова: «В Италии и Гиппинии народная поэзия уже существовала прежде появления ее генезиса. Она пошла по лордам, узким проходам. Были поэмы прежде архетипа. Одни из них были народные, прежде созданний Лопе де Вега и Кальдерона».

Великие поэты Испании были народные поэты. В Лопе де Вега Пушкин находил «достоинства большой народности» и называл его «гением народной поэзии». И не случайно, что пьеса Лопе де Вега «Фузите Овсуну»

(«Овечий источник») была одной из самых известных и любимых пьес в репертуаре наших фронтовых трупп в эпоху гражданской войны. В 1920 году автор этих строк довелось привести в Америку Испанию и ее пейзажи на 5 тысяч километров в автомобиле, странствую по этой чудесной стране. По пути из Севильи в Кордову я услышал название маленького города — это был городок Фузите Овсуну.

Я испытала естественное восхищение при мысли о том, что нахожусь в 15 километрах от села «Овечий источник» и ими которого, не побоявшись в темноте земли, пересекают воках запахи театров, от Малого театра в Москве до железнодорожной платформы в Фастове, где актеры труппы политуправления 12-й армии восхищали, потрясая деревянными мечами:

«Когда поднялся оскорбленный народ,
Он не отступит без крови и мести!»

Помню, как гремели прикладами о землю бойцы 12-й армии, когда героями трагедии Лазуренция выносили на копье голову тирана Франко. Голова Франко, отрубленная Гомесом, Кондорсауром отрубленная себе ладони, опускалась занавес, и роты отправлялись на театр военных действий, который находился лишь в нескольких километрах от того фронтового театра, где только что разыгрывалась трагедия великого народного испанского поэта.

Мы можем с полным основанием сказать, что если бы Европа веков назад захватила генерала Франко, в силах ее жесткого тирана Фердинанда Гомеса духового предка современных варваров и убийц.

Испанские мастера эписти Беласкес и Гойя принадлежат к числу величайших художников мира. Для людей нашей эпохи самое ценное в работах Беласкеса, о достоинствах эписти которых написано немало томов, заключается в том, что Беласкес правдиво воспроизвел свой мир, показав его страшную и кровавую реальность. Могли с полным основанием говорить о народности этого гениального художника. Трудящиеся Испании подогнули стояки в Музее Прадо перед картинами Беласкеса. Им были близки образы эписти его картины: «Бауху и крестьянка», «Глахин», «Кузница Вулкана». На этих картинах им прежде всего нравились изображения рабочих, их трудолюбия, их честности, их доблести, их мужества, их арестов, и всем кажется, что все это им видели вчера где-нибудь по дороге в Алькалаизу.

Когда же этому художнику приходилось рисовать сильных мира сего: королей и велимож,—то и здесь торжествовала правда искусства. Вы смотрите на портрет короля Филиппа IV, и сразу улавливаете, какой мелкий и нивелированный он выглядит. И это не случайно, потому что Беласкес изображал короля, как маки и пшеница были его дети. В групповом портрете Беласкес изобразил короля, королеву и принцессу-инфантку в окружении фрейлин, пажей и шутов. Эловецкий сумрачный фон картины передает атмосферу глупости, злой склоки и раболепия, которые царили при испанском дворе. Из находки Беласкеса картины, заложенные бесподобно, важны портрет другого великого испанского художника — Франсиско Гойя. Достаточно взглянуть на бледнющую и злую гримасу королевы Марии-Луизы (одна из работ Гойи) — и конец XVIII и начало XIX века Испания встанут перед вами во всем блеске бессмыслицы, пропласти, мракобесия и цинизма.

Замечательная картина Гойя «Расстрел гвардии» (оригинал — сражение при Бельведере) — это величайшая страница в истории Испании во время наполеоновских войн: многое говорит наименование картинок в дни нестакости и кровавого разгула «добро-всёд» из армии Гатаэса и Муссолини.

Снаряды, изготовленные в Германии и Италии, разрушали величайшие памятники архитектуры. На востоке времена человеческого зачина, генерации бойцов, погибших в бою, которые с оружием в руках охраняют от подлога Толедский собор, который виновен пологоти на Беласкеса из горящего дворца герцога Альбы, дворца, подложенного немецкими залигательными бомбами.

А какие сокровища были в прошлом сметены с лица земли! Испанский университетский город Кордова в XV веке — университет в Гренаде был центром европейского просвещения. Его разгромили поги. От архивов и библиотек этого университета ничего не осталось. В XVI веке император Хуанес склонил кости тысячи арабских рукописей по математике, фармацевтике, медицине, которые в то время были открытыми науками. Это было начало тех национальных прегрим: военных, художников, математиков, философов, поэтов! В наши дни достойные потомки инквизиторов в той же Гренаде расстреляли поэта Фредерико Гарсия Лорка, подчеркнув таким образом свою духовную связь со знаменитым палачом Торквемадой, когда-то подчинившимся в тот же Гренаде.

Был в парке Каса де лас Камин (парк, который рисовал в качестве фона для портретов Беласкеса) — это был майдан испанским народом и его угнетателями, бой между истинными, законными наследниками испанской культуры и ее палачами и разрушителями.

Возрожденный народ

За четыре с половиной века своего централизованного государственного существования Испания не раз находилась в центре внимания всего мира. Испания до середины XVII века была великой мировой державой, которая простирала свою власть над обширными пространствами Южной Америки, над Сицилией, Неаполем, Севильей, Гернадой, Испанией, Нарвальдом, Иберийским королевством и императором Карлом V (был могущественным властелином мира). Испанский флот не знал себе равного, и смелые испанские корабли бороздили моря и океаны, контролируя мировые пути. Однако народ, на своих плечах взыскивавший могущество и славу своей знати, сам на протяжении всей истории Испании оказывался побежденным, угнетенным, опутанным феодализмом и Церковью.

В XVIII веке, когда в соседних странах бурно развивалась смелая научная мысль, в Испании стране, где католицизм был особенно силен — естественные науки не могли пройти себе дорогу. За химии, физики и другие науки зорко следил газетчик инквизиции, в пламени аутодафе погибшим «еретикам». Среди них часто оказывались ученые.

Французская революция конца XVIII века переструяла свои вихри за Пиренеи. Среди испанского народа распространялся слух, что по ту сторону Пиренеев крестьянам «празднели земли аристократов и церкви». Приникший и обездоленный испанский крестьянин насторожился. Но это мог превратить эту тоску крестьян в земле, по словам Французского языка, в «затишье»? Или же это сделали якобинцы. В Испании же буржуазная интеллигенция тайком читала «Общественный договор Руссо», спорила со верховенством власти народа, и со страхом следила за деятельности французского Конвента 1793—1794 годов. Конституционная монархия была ей более по душе чем республика. Попы и монахи в своих проповедях проклинали безбожников-

Долорес Ибаррия, герническая Пасионерия, произносит речь на митинге в одной из военных частей Мадрида.
Фото Славини (Союзфото).

Вдохновленные призывами Долорес, они идут на фронт.

Фото Майо (Испания).

французов, отдававших за плачу своего короля. Но народ ждал. Народ питал сильные надежды на то, что помочь к нему придет из-за Пиренеев.

В 1808 году французы действительно появились в Испании. Но это были уже не те французы, что «разделяли землю»: это были французские полчища, пришедшие завоевать Испанию. Они безжалостно расправлялись с крестьянским народом, грабили крестьянские имущество, гумилились над национальным достоинством народа.

Народ восстал!

Национальная герцогия (поясническая война) опадела Испанией. Самая территория Испании и испанское благополучие становились первым (поясническим). Ущелья и горы, бывшие зачастую стынизовыми мотыгами для наполеоновских солдат, не сдали ни знавших поражений Победителями при Маренго и Аустерлице. «...приходилось... как пишет Маркс, — спешнительно бегать наготову против врага, который, беспеченно убегая, появлялся вновь и, оставаясь невидимым, находился всегда убою, — и это было неизбежно, — потому что ему нечего было отдать» (Маркс и Энгельс Соч. Т. X, стр. 743).

Народ мог противостоять французам, поскольку те выступали как открытое противники. Но он не был в состоянии распознать изменину своей знати, которая, взявшись за себя руководство сопротивлением, стремилась опереться не столько на народ, сколько на высадившиеся

в Испанию английские войска. Народ, отставший Испанию от почвы Наполеона, так и не понял, что его отывают от борьбы только потому, что опасаются его иннициативной роли, потому, что хотят и в дальнейшем закрепить гнет над ним. Выгнав наследовников войны из Испании, помещики и духовенство, которые разделили с королем Фердинандом VII, своих возвратили первые все права. Грузинская испанская буржуазия, не изнашивая примеру французской оппозиции, покорно побеждалась за дворянами и духовенством.

В течение всего XIX века испанский народ, его труженические классы, не раз воевали на страже своих же угнетателей; они обильно оросили своей кровью испанскую землю, чтобы раздробить ее сородичей. Но, между тем, какими же претендентами на престол Кастилью и Хантиной (с ее дочерью Изабелой).

Народ еще покорно смотрел вперед, на деск, что оттуда, из среды командующих классов, когда-нибудь спешит обълечься Достаточно было где-то вверху разразиться военному заговору, как он взмыкал в народе настороженностью, нападал на него, как на врага, даже как на группу грабителей. Классы народных спорядков в стране и в первую очередь испанской спорядка рабочих и крестьян. В отчаянии народ громил помещичьи имения, жег усадьбы. Но он восставал против отдельных помещиков, а не против системы эксплуатации в целом. Восстания крестьянства почти всегда кончались поражением, но и в этом случае оттуда, откуда крестьяне вышли, подсыпалось.

Шесть отречений от трона, три смены личностей, царь революций, бесчисленное количество всяких «пронунциаций» (военных заговоров) вынес народ на своей спине в XIX веке. Он верил то помещикам, то буржуазии, выступавшей против помещиков. Всегда, однако, дело кончалось тем, что буржуазия исходила в следующем году из страны.

Со второй половины XIX века, когда за арену борьбы в качестве самостоятельной силы выступила пролетариат, эксплуататорские классы особенно торжественно сделали из темы, чтобы помешать рабочим стать руководителями широких крестьянских масс. Большинство испанского народа — крестьянство — испытывало склонность к социализму, но не в форме, которую им интересовала государство, но не понимало, как с ними бороться. Оно часто доверяло однажды слепо как католическим папам, которые соблазняли его обещаниями «рай на небе», так и анархистам обещаниями мгновенным ударом восстановить «анархистский рай» на земле.

Социалистами, верным союзником и руководителем которых в борьбе против тяжелых господствующих классов мог быть только рабочий класс. Но и он не был еще достаточно закален в классовых боях. На нем еще сильно отражались мелкобуржуазные пережитки, вынесенные из Америки, пережитки, которые бросали миллионы рабочих в объятия анархистов, их идей, направленных против самостоятельной политической борьбы рабочего класса.

В Испании вплоть до 1920 года не было действительной революционной партии, которая могла бы организовать пролетариат для защиты революционной теории, слынчить вокруг него крестьянство и угнетенные национальности и тем самым сделать пролетариат передовым борцом за дело всего трудящегося народа.

Торговество реформистов с буржуазией, псевдо-революционистов — анархистов и земельных социал-демократов обособливало пролетариат, сорвавшись его с пути классовой борьбы, обособленный его борьбу от борьбы крестьянства.

Три крупных социальных фактора всплыли и всплыли еще отчасти и сейчас на отсталое положение Испании.

Первый фактор — это помещики, которые держат в своих лахах крестьянство, опутавшие феодальными пережитками. Это в стране, где сельское хозяйство играет доминирующую роль в национальном доходе, в самом городе.

По мере того, как всплыла вспышка восстания 1931 года, то есть помещиков владели половиной годной земельной площаи Испании (около 12,5 миллиона га), тогда как шестимиллионное взрослое крестьянское население имело владение и четверть всей годной земельной площаи.

Второй фактор — это духовенство, которое в Испании всегда было самой большой бедой в других странах Европы. Церковь является не только очагом мракобесия: она и крупный землевладелец и банкир, и участник различных промышленных и транспортных предприятий, переключающихся со всей системой финансового капитала. Церковь стремится также влиять на рабочих и батраков, создавая свои собственные профсоюзы, которые, в свою очередь, подают сеть кооперативов и сельскохозяйственных товариществ. Она организует также мастерские, в которых всплаивает отчужденные безработными. Мастерские эти являются очагами шайтербахерства.

Третий фактор — это военщина, тесно связанныя с помещиками, смотрящими на армии как на свое классовое оружие. Болгарды генералы, генералы, генералы, генералы, всплыли, возглавляли себя «сподвижниками» над народными массами в самой Испании.

К этим трем факторам нужно прибавить четвертый — буржуазию, которая, не совершив буржуазной революции, начинавшей с 1808 года, вскоре изменилась как-нибудь договориться с феодальным кризисом, поднявшим рабочего класса, и встала еще быстрее, чем в 1917—1922 в одной Барселоне было убито около 500 рабочих. Буржуазия создала свои фашистские организации, которые терроризировали пролетариат. Наступившие некоторые «сдвиги» с 1923 по 1926 годы военной полонии, Помеченные и борющиеся стали на путь террористической фашистской диктатуры, подчинив генерала Примо де Ривера, который распустил парламент, отменил

конституцию и установил режим полного беспредела и произвола.

Диктатура Примо де Ривера просуществовала 7 лет (1923—1930). Это был период зверского террора, разбивающей войны против рифов, стоявшей Испании 400 тысяч солдат, и бесконечных преследований революционного движения, особенно коммунистов, ушедших в подполье.

Под наименованием промышленной и народных масс диктатура Примо де Ривера была изнутризована 14 апреля 1931 года королем Альфонсом XIII. Испания и народ, провозгласив республику. Власть, очнувшись, однако, в руках буржуазии, разделившей ее с помещиками по прикрытию крестьянства. Остались нерешенными крестьянские требования народов остались не удовлетворенными. Остались нерешенными вопрос о земле для крестьянской беды в национальный вопрос. Был принят закон об отделении церкви от государства, но церковники продолжали играть крупную политическую роль в стране. В то же время правящая верхушка всерьез перекладывала тяжесть кризиса на народные массы, снижая реальную зарплату на 40%, и узаконяла положение пролетариата.

Коммунисты были единственной партией, которая всплыла в себе чаяния и надежды народных масс, которая предстала перед народом в чисто относительно того, что господствующие классы добровольно покинули наше движение. Крестьянские требования народов, которых привели к единству пролетариата с крестьянством.

Реакция, стущавшаяся в первые дни республики, вновь подняла голову. Пользуясь подкреплением правительства, она перестреляла своих родичей, укрепляла, добровольно, на конец, в 1934 году до власти, реакция приступила к фашистской расправе над парламентом.

В ответ на налагаемые преследования фашистов в октябре 1934 года группой героических восстаний астурийских горняков, всколыхнувшее весь рабочий класс Испании. Массы поднялись, заставили последовать за собой и социантических юдей.

Миллионы рабочих, участников во всесоюзной стачке, вышли на улицы страны. Во многих областях (Астурия, Каталония, Бискайя) рабочие захватили власть. Но только в Астурии им удалось продлиться 15 дней. Героическая Астурия не была поддержана всей страной.

Восстание было подавлено с беспримерной жестокостью. Но лозунги коммунистов «Пролетарское единство», поддержанной астурийским рабочим движением, были подхвачены рабочим классом всей Испании.

Единый пролетарский фронт, инициатором которого стала коммунистическая партия, явился величайшей победой рабочего класса.

Единый пролетарский фронт стал зачинщиком народного фронта, который обединил коммунистическую партию, социалистическую партию, союз социалистической молодежи (объединившейся с комсомолом), испанских анархо-синдикалистов, Всеобщий рабочий союз (под руководством Ладро Кабальеро, в которой всплыли и красные профсоюзы), республиканскую левую (андорро, которой является президент республики Асанья) и республиканский союз (во главе с Мануэлем Альваресом Пачеко).

Коммунистия способствовала упразднению единства испанского народа в его борьбе против фашизма. Она внесла в народный фронт организованности и ясности цели. Федеральные выборы 1936 года были блестящей проверкой тактики единого пролетарского и народного фронта. Натиск народа был настолько велик, что реакция вынуждена была отступить. Впервые в истории Испании правительство, опи-

Бойцы республиканских войск читают газету испанской компартии «Мундо оберро». Фото из журнала «Хроника».

Ларо Франсиско Кабальеро, председатель совета министров Испанской республики.

Мануэль Асањи, президент Испанской республики.

равившись на партии народного фронта, увлекающей захват и освоение крестьянами помещичьей земли. Это, правда, было еще далеко от требований народа о конфискации всей земли крупных помещиков, но это было решительный поворот лицом к народу. Достаточно отметить, что с августа 1933 года до февраля 1936 года, т. е. почти за три года, безземельным крестьянам было предоставлено всего лишь 164 тысячи гектаров. За эти же годы с 16 февраля по 15 сентября 1936 года, т. е. за 7 месяцев, по испанским данным, было предоставлено крестьянам около 1,5 миллиона гект., т. е. в 9 раз больше. Правительство народного фронта восстановило также 44-часовую рабочую неделю вместо 48-часовой, установленной после подавления астурийского восстания.

Было восстановлено каталическое автономное правительство и арестовано лидер Окна, руководитель подполья астурийского восстания, был отстранен и президент Замора, покровительствовавший фашистам, и т. д.

Это был новый этап в развитии республики в сторону ее действительной демократизации — что Испания до тех пор не знала.

Но это не было еще полной победой. Фашизмы, отступив, собрал свои силы, готовясь к новому нападению. В июле 1936 года фашисты, по указам Гитлера и Муссолини, подняли военный мятеж против республики. Фашистская Россия, Франция, Германия, Австро-Венгрия, с республикой и в первую очередь с классовыми организациями пролетариата.

Народ во главе с пролетариатом поднялся против фашизма на защиту своих демократических прав. Такая история Испании и судьба ее трудащихся классов получили с тех пор новое направление.

Еще недавно разрозненность пролетариата была причиной его слабости и неорганизованности. Трудящиеся были разделены на партии, обединенные общей борьбой против фашизма, создают, что единство — залог победы. Это единство рождается еще в муках. Трудно сразу преодолеть аварийские традиции, привыкшие быть в Испании в течение почти сорока лет, но налицо громадный прогресс.

Борьба против итalo-германских интервентов и банд генерала Франко сплотила также все

В истории Испании Каталония не раз пыталась совершенно отделяться от Испании. Были случаи, когда в трудах по истории испанского государства времена, в момент его войн с соседними государствами (например в войне с французами в XVII веке), каталонцы переходили на сторону противника. В течение трех веков каталоны неоднократно восставали против кастильского гнета. Еще недавно они поддерживали антифашистский борьбу против милитариста Примо де Ривера. Тогда же с побегом народного фронта в феврале 1936 года была закреплена автономия Каталонии.

Теперь Каталония чувствует себя спланированным с народным фронтом всей Испанией. Сломав спинной хребет фашизму в Барселоне в июле 1936 года, каталоны рядом с кастильянами драматически выразили свою любовь и посыпали своих синовей на землю Мадрида.

Баски, которые в течение всего XIX века

заявили в рядах кастильцев за «бога и старину» фурором (права), которые испанцы видели

утягивались из Мадрида, которые готовы были

следовать за отрымым кастильской династией

только потому, что выступала решительно против кастильского правительства, — эти баски сейчас проглатывают свою братскую руку испанского народа, который предоставил им самостоительность.

Баски поняли, что ни бог, ни кастильи, ни мятежные генералы не могут им обеспечить национальную свободу. Но это сделало правительство народного фронта. Поэтому баски взялись за оружие и дерутся против фашизма более решительно, чем когда-либо.

Народ, в борьбе с фашизмом возродившийся с новой жизнью, впервые приступил к действительному осуществлению мечты крестьян о земле. Правительство народного фронта, возглавляемое Ларо Кабальеро, в которое вошли и два представителя компартии, прошлом законе о земле, что земельные фермы должны перейти в крестьянам. Крестьяне знают, за что они борются. Они из дедов видят, что им дает народный фронт и союз с рабочими классом. Аграрные мероприятия правительства народного фронта получают свой отклик и по ту сторону фронта. Их ненависть заглушает грохот, который пронесают сейчас фашисты против крестьянства.

Победа воспроизводившегося народа должна закрепить в Испании новую форму демократич-

ской республики, в которой фашисты, воспитанные угнетением, уже сейчас лишены своей материальной базы. Этим испанская республика отличается от всех существующих буржуазно-демократических республик, как Франция, США и др.

В бою за спасение всего испанского народа против фашизма выросли и скреплялись компартия, Европа, народ Испании, коммунисты и антимонархисты, рабочие и крестьяне, интеллигенты, молодежь, люди, борющиеся за будущее общества. Сейчас они обединяют около 250 тысяч человек только в районах республиканского правительства.

Борьба испанского народа против фашизма есть также борьба за национальную независимость Испании. Фашистские материи продали Испанию германским и итальянским капиталистам, которые, в свою очередь, подорвали испанское правительство. Удары по фашистским материям есть вместе с тем удары по захватническим планам коричневого и черного фашизма — врагов мира и всего передового человечества.

И не случайно троцкисты — прорезные агенты фашизма — выступают в Испании как злейшие врачи народного фронта. Троцкистские материи, подчиненные германским и итальянским капиталистам, пытаются помешать борьбе, дисциплину и боеспособность народного фронта. Эта гигантская, изменническая роль испанских агентов Троцкого уже разоблачена перед испанским народом, который сейчас изгоняет троцкистов из своих организаций как врагов народа.

Испанский народ находит, таким образом, в первом, позитивном борьбы народа фашизм. Вот почему борьба испанского народа «...не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества» (Сталин).

Борьба еще не закончена: впереди еще тяжелые, кровавые схватки. В этой борьбе все передовое человечество с духом и сердцем вместе со всеми трудящимися народами, с антифашистской молодежью, с его герояическими женщиными, вспыхивающими славой страны и в историю человечества.

Победа испанского народа будет победой всего мыслящего человечества; борющегося против фашистского мракобесия и варварства, против беспартии и пронизи, против ужасов империалистических майданов, на которые обрекли народные массы кровавая диктатура фашистских наладач.

Под небом Эстремадуры

Обессиленные тела, истощенные мальчики,
ввалиются у дверей хижин...

В мае, пастухи, этого не видят, потому что вы находитесь в Кастилии, где гуляет волнистый ветер паскогорий. Но я вам говорю: у нас в Эстремадуре вся эта пышная зелень цветов, травы, драка, испанника — все это исхошло, превратилось почти в солому, позадоренную и изломанную, шумящую при малейшем движении в ней даже самой маленькой ящерицы. Умы, это так, хоть не это заставит нас плакать. У нас весна, когда вспахано землю, когда вспахано Хара, нам нечего на плодоносящих. Вам не надо ждать осени. Тогда снова начнется зелень в заповедниках и садах, спустившись с гор, будут жалко щипать траву в Эстремадуре, не трогаться с места, как бы застыть у жара, среди прибрежных дубовых зарослей.

Настала жара. Высокая стена Гредес задерживает осеняющие ветры. Гигантская, украшенная белой дымкой, она смотрит на юг с высоты своих вершин. Срезанная лилиями низкого хребта, она, как изгородь затона, смотрит на памплемские низины Эстремадуры.

Эта жара без ветра ударила, она поражает даже дубы. Жара неизбежна, неизменно присущующая. О ней говорят повсюду, каждый день:

— Дуг, мы задыхаемся!

— Хоть бы ветер подул!

Пришло лето. Оно не приходит направно. Пшеница, посыпанная крестьянами в заповеднике, уже выросла, созрела, время ее косить. Кому принадлежит заповедник и пшеница после раздела? Видимо, хозяин думает, что они принадлежат ему.

Испанский революционный писатель Сесар Мария Арконада в своем романе «Раздел земли» (1935) рисует раскаленную обстановку в испанской деревне в 1933—1934 годах. Земля принадлежит помещику — крестьяне голодают.

Нарастает гнев. Молодой врач Педро Алварес становится во главе движения. Крестьяне делают между собой помещичью землю. Но урожай снимают помещики под охраной жандармов на глазах у голодающих и безработных крестьян.

Печатаемый ниже отрывок из романа появляется на русском языке впервые.

Крестьяне говорили об этом с врачом в таверне Таресано на исходе дня, смачивая горло вином. Врач сказал:

— Друзья, все прошло. Я думаю, что завтра сюда явятся жандармы и косцы из Портуттана. Мне только что сообщили об этом.

Лица всех исказились от беспечности.

— Они нас ограбят! — крикнула Дамвия. — Я говорила, что мы должны скосить на прощали неделе!

Кому принадлежат земля и пшеница? Крестьяне думают, что мы должны скосить пшеницу и забрать ее себе. Они должны сделать это сами, чтобы помешать жандармам разделя землю. Но хозяин, предвидевший это, определил их. Жандармы и правительство стали на сторону хозяина. Они считают, что земля и пшеница принадлежат хозяину и что он может делать с ней, что угодно: косить, убирать, хранить или продавать ее.

— Ты понял теперь Флориано? — спросил врач у молодого крестьянина.

Флориано был молчалив и мрачен. Он сухо ответил:

— Да, понял.

— Какая гнусность! Нам не дают заработать даже на уборке. Чтобы отомстить нам, хозяева налагают артель дальних, португальских и галисийских косцов. Вот негоды!

— Каковы люди?

— Мы должны приготовить косы, — сказал для Сары, — и заменить их скосенной пшеницей, а заодно и головы тем, кто поборется за нас.

Завтра здесь разместят двадцать жандармов с заряженными винтовками. Первого, кто шевельнется, прикончат. В этот вечер проходили недолго. Нищета не пела. Теперь было не до песен. Мессидам вспадала нищета, подчиняясь их себе, а они все еще надеялись. Они могли бы заработать при сборе урожая, и это помогло бы им номадизировать себя за потерянные годы. Но вспомнили о том, что вспомнили, и вероятно, не будет и мародеров. Нищета, сопровождаемая жандармами, овладела тем немногим, что еще оставалось нетронутым.

Годы дожда на крайних переделах. Теперь не было даже травы для сада, потому что она высохла. Не было и жуя, так как они еще не засорели. Со двором началась изчезать крыса. Однажды посреди плющевая широка разрубленного на четвере части осада. Головы его были нетронуты; они поддергивались в воздухе плацами. Под ослиной головой висела плащ: «Власти, мы смеем это потому, что были голодающие». Жандармы, видя это, смеялись, и жандармы, подобравши за головой пса, пытались найти, кто были эти наемники, но только укашившие и синевеющие осада, но и вытишившие его широку и голову, не имели выражением обращением к властям.

Вы, пастухи паскогорий, иначе представляете себе голод. Вам предстают зима, слепое от вылета небо, стало волок, завывающий на мерзлом снегу в поисках кровавой добычи. Вы не знаете зашедшего голода, исхосшего на солнце от зноя. Освежающие тела, истощенные нищетой и малоценностью, покидают у деревенских ворот в раскаленной тишине, под ногами пыль, синевы головы.

Так умирают на богатой земле, под небом любовным, почти детским, прозрачно чистым!

На следующий день, рано утром, прибыли португальские косцы. В поисках видели, как они шли в черных лохмотях, с косами на плечах. Лица у них были загоревшие, словно обожженные в печи. В по-

¹ Альканья — старшина.

саком они не заняли, а направились прямо в заповедник, где их ждала управительница. Они были законтрактованы. А это значит: шесть револов — и за работу! Что же, немногим, но у них не будет недостатка ни в зине, ни в холодной похлебке. Артель косцов пребудет себя за то, что ей дают.

Грустно бродяжничество инициатива и труда по пыльным дорогам леса, от владения к владению, а ведь именно оно дарит богатые годы сеноварам золото работы! В первый год распахивали этого почву не было. Но теперь хозяева спины стали распоряжаться: они пользуются по своему усмотрению работниками, правительством, народными силами, парламентом.

Полчаса спустя по другой дороге приехал грузовик с жандармами. Они остановились в поселке, чтобы вторично убедить крестьян, что сидят на стороне богатых. Быстро спрятавшись, выскочили они с винтовками в руках: что здесь будет? Чем же, заподозрили, принадлежит дону Хаванини? Он ходил, обиженный, из-за того, что вчера не было. Но теперь хозяева спины стали распоряжаться: они пользуются по своему усмотрению работниками, правительством, народными силами, парламентом.

Полчаса спустя по другой дороге приехал грузовик с жандармами. Они остановились в поселке, чтобы вторично убедить крестьян, что сидят на стороне богатых. Быстро спрятавшись, выскочили они с винтовками в руках: что здесь будет? Чем же, заподозрили, принадлежит дону Хаванини? Он ходил, обиженный, из-за того, что вчера не было. Но теперь хозяева спины стали распоряжаться: они пользуются по своему усмотрению работниками, правительством, народными силами, парламентом.

И с той же легкостью, с какой прибывали зажеванные у автобусов инопланетинов двадцать корзин с рабыней, приехало двадцать жандармов. Они ехали сзади, охраняя порядок, а впереди шли покорные им косцы.

Началася покос.

Земля, вспаханные крестьянами поселка, дала хороший урожай. Он был там, в колосьях пшеницы. Даже когда я была эта пшеница? Теперь уже не могло быть сомнений. Пшеница была для хозяина, как земля, как полудень с дубом, как синий, как ятакса, как все. Жаждущая земля, зияющая белым, кто воспитывал ее? Старый пастух, вспомнив прошлую весну. Вспомнился тот, кто привнес отсутствием ползущих сна, разделявших землю. И это было это, что еще за закон? Собственность священна! Да, вот закон! Воровать же — преступление, и притом очень тяжелое. Берегитеся!

И, в самом деле, никто не шевельнулся. Шевелился кто-либо — и он был бы усыплен ударом свинца. Крестьяне смотрели, сдергивая избыточное, сквозь кулаки, с глазами, налившимися кровью из злобы. И это происходило на их земле, которую они разделяли осенью, разделены потому, что этого не сделала аграрная реформа, и потому, что земли предстояло разделить ее бесплатно, не вспахивая, пользуясь со той стороны скотом?

Одному пришло в голову поклоняться альвальду. Выбралася делегацию, врач стоял на главе ее.

— Мы пришли к вам от крестьян, — сказал он резко альвальду, — протестуя против того, что происходит. Наняли португальских косцов, тогда как задние крестьяне умирают с голода! Вы как альвальду должны принять меры, предупреждаем, что мы будем отвечать за возможные последствия.

Альвальд, который, будь крестьяне одни, ударила бы кулаком по ступе, не осмелился этого сделать перед врачом. Он удивился добродушию:

— Но, друг мой, что я могу сделать? Кто распоряжается, тот распоряжается, а мы, оставшиеся, должны повиноваться. Я должен вам сказать — и говорю это вам как другу, — лично мне очень не по душе это приглашение косцов со стороны. Я лично полагаю, что это очень некорочно. Но каждому свое. А вы пришли, чтобы крестьяне поступали не лучше, чем я, и я не могу этого поделать, землю.

— Нет, я в сейчас считаю, что это было правильно! Вы же видите, что благодаря этому у них есть хотя небольшая заработка.

— Но именно поэтому теперь у них заработка не будет! — сказал альвальд и примирительным тоном продолжал: — Интересы хозяина

должны всегда идти рука об руку с интересами трудащегося. Капитала и труда должны жить в гармонии. Вы проповедуете доктрины, которые нельзя осуществить...

— Не будем спорить об этом, сейчас не до того. Здесь речь идет о другом. Эти люди нуждаются в работе, им нужно дать ее во что бы то ни стало!

— Да, но еще синеве перекисываемый нами голод, — сказал Дамьянин, входивший в состав делегации.

— Я признаю, — сказала альвальд, — что нет работы. Я понимаю, что вы нуждаетесь в пособии. Признаю, что вы вправе просить его. Но наше альтунменто¹ так бедно! Что может сделано оно? За последние годы оно израсходовало все, что имело. Сейчас у нас нет ни одного сантима в муниципальных сундуках.

Это и видно, — сказала врач, — здесь все бедим, за исключением нескончаемого синевы.

Так пусть дадут имущество! — воскликнула стоявший сзади дядя Сарна, приподнявшись на носках.

Альвальд сухо ответил:

— На этот счет, вы сами понимаете, нужно обратиться прямо к нам. Я никого не могу заставить. Тем не менее, я склонен к тому, чтобы вы правоту обещали и обещали, что мы будем платить. Тогда мы увидим, можем ли мы будущее синевы, хотя мне кажется, что это очень трудно.

Бесполезные обещания. Было бы только две вещи: голод и то, что португальские косцы под охраной жандармов собирали урожай.

Наконец, воз, называемый пинини, остался один на двор к хозяину. На открытом линяне осталась дуба. Если бы хозяину вдумалось, он мог бы теперь пойти туда и похвостать на куропаток. Как раз наступало подходящее для этого время...

Жандармы уехали, без сомнения, охранять урожай другого владельца. В поселке стало тихо. Муки — и те присмирели, как требовал губернатор.

Стояла нестерпимая жара. От хижин бедняков искал пинини любой имей, как будто пинини зажидалась в куче отбросов, грязных ложемтей, замершей жизни — жизни, утратившей свою силу.

Что стояло с чистенным домиком Дамьянин, с его белыми стенами, с покоям, выраженным кипарисом, с цветами, радостью, гладью, синевой солнца? Грубо было бы сказать, что это было просто синевой синевы, синевой синевы, синевой синевы. Синевы, скрывающей синеву белуми убегающего счастья. Стены были грязны и дырявы, потинята отвальная краска. Все перечеркнуло от дыма, во всем было беспорядок. На соломенной подстилке в кухне валались женщина Дамьянин — Паулина, полуодетая, с маленьеньким ребенком на руках, напоминавшим минимо. Паулина таяла от голода и анорексии. На абу ее вступила холодный пот, она лежала в полном изнеможения и, казалось, крепко спала.

Хакобо, другой мамаш, тоже валались на полу. Пробуждаясь, он чувствовал в ушах, зудя его стучали. Зашел врач и, увидя его, сказал:

У тебя верно тоже малярия, мамаш.

Поговорка и Дамьянин.

— Это ужасно! Редкий дом, где не было бы двух—трех человек с приступами малярии. Мне коллеги из диспансера Басатони энергично работают, но они бессильны. Это очень сложная проблема. Социальная проблема.

— Да, мы здесь почти не обращаем внимания на малярию. Все болеют по сю. Глотают хинин — и только. Одни выздоравливают, другие умирают.

Многие умирают! — сказал с отчаянием врач. — Ницета, а тут еще жара и малярия...

— Но вы же знали о ней.

— Альтунменто — муниципалитет.

Жандармы ехали сзади, охраняя порядок, а впереди шли покорные им косцы.

— Я слышал об этом, но не представляла ее размеров.

Маларин! У индейца сильная лада хищника, но смерть иногда приходит от ничтожного укуса комара. Однажды утром вы встаете разбитым и слабым, темно у вас в холодном поту, вас трясет лихорадка «Гасмор», легкая приступами душевная лихорадка. Но кровь из вас выливается из вас, как из крана, изливая кровь уже заряжена, отправляется к вам маларина. Вас укусил, может быть, вчера, вечером, комар. Этот еле ощущимый укус приводит к тому, что вы сваливаетесь с ног: с каждой минутой вы становитесь слабее, вас покидают лихорадка, у вас исчезает лицо, тускнеют глаза, вы зеваете, вы бледнеете, о которых вы не думаете вовсе. Но Эсмеральда — единственная природа, и в этом опасность. Правда, в западинках болниста, здесь много холмов и ложбин. Всюду идут проплывные донки. Мощные потоки воды несутся по склонам холмов. Куда же впадают эти потоки? Никуда. Они делают вспески, склоняясь, бегут, но у них нет выхода — в конец концов они растворяются в болотами. А потом настает час. Вода становится, затягивается, принимает величественный цвет. В воде живут маларийные комары...

Как будто недостаточно сильно быть индейцем. Всёд за ней приходит малария. Она вспыхивает в истощенном, надломленном организме, и наступает смерть.

Брачка приводила в отчаяние этот белый крестийский посолок с его насилием, умрашивши в лягушках от маларии и голода, топущими в грязи, живших горячкой жизнью среди жестокой богатой природы.

С акуратно обходна всях болезней, раздавала болезненные лекарства, делаясь с наболевшими теми лекарствами, которые у него были. Но действительностью была самонок тяжела. Несмотря на всю свою силу воды и веру в будущее он переносил минуты острого отчаяния.

«Хочется умереть вместе с вами несчастными людьми», — думал он тогда.

Но это не мешало энергично бороться с овладевшей им заразой. Он написал несколько статей в журнальную опубликованную редакцию сообщений в медицинской прессе, в которых описывал симптомы и поговорил с губернатором. Ничего! Ничего не добился. Паулина содрогнулась от гнева.

Никто не проходил по улице. Иногда только тюдя черных, почти

засевшимися от жары собаки, выныну измы, скользили вдоль стены.

И отчаянное солнце, палило и тяжело, подожгло ему скапливалось весь этот

много трагическойницы.

Словко раз о нем, что Урдес¹ недавно и что вся верхня Эстремадура и многое общего с Урдесом. И все же он не утратил своей силы и борьбы.

Он насторожился бороться и дальше, поборить это отчаянное лето, дождаться осени, которая вложит новую бодрость в людей...

Старик шел, опирясь одной рукой на палку, а другой — на плечо мальчика.

о себе и о нем тоже. Но случилось так, что спустя немного времени управляемый доном Хосепом воротился в деревню, и он не нуждался больше, и его уводили без всяких колебаний. Один ходил впереди, в стороны крестами. Удар этого был для него ужасен. Вот положение, в котором он очутился: ему было шестьдесят семь лет, и у него не было ничего, его выгоняли в поле, как беспенное ското.

Оставанных винчат забрасывали в сиротский дом, а старик с Ауриной, сунувшим им поводьями, решив уйти из поселка просить по дорогам маистости.

Он не мог делать ничего другого. Он об этом много думал. Ему оставалось только просить подаяния. Всю жизнь он был послушан, всю жизнь воспитывали его в работе, в смирении, в покорном безмолвии слуги, и он не мог в своем шестидесят седьмом лет стать другим. У подавленного, как бы уничтоженного тяжелой действительностью старика не могло и явиться другой мысль, как стать нищим.

— Во имя пречистой девы Марии — спасет он
— Без греха зачавший, — ответил за дверью.

— Бедный слепой просит подаяния. Он не может заработать!

— Да, соняят тебе Бог, брат! — и тот же голос продолжал:

— Господи, сколько развелось нищих! Невозможно всем подавать.

— Вот как хозяева награждают тех, кто им верно служит! — сказал Дамиян.

Старик кивнул головой.

— Да, да, — тихо проговорила он.

— А сколько лет служишь вы в заповеднике? — спросила одна женщина.

— Мне кажется, что вы всегда там были.

— Я бы там пятьдесят лет. Принца туда мальчиком, когда начали пастухом...

Пятьдесят лет защищали интересы хозяина, чтобы к старости тебя вышвырнули ником ноги!

Старик сознавал несправедливость этого. Он понял и многое другое за пятьдесят лет своей службы. Но он всегда покорен молчанием. Хозяин мог постучать, как ему вздумается. Хозяин был хозяином. Слуги должным были слушаться и молчать.

— Ну, хорошо, дето мой, всего вам доброго. Поймай, Аурину.

— В какую сторону вы пойдете, дедушка! — спросила одна женщина.

— Туда, в Кастилии, там, говорят, меньше голодных. Мы направимся по дороге в Саламанку. Да не все ли равно: иди туда или сюда. Мы обойдем всю Испанию, проси маистство, пока в один прекрасный день я не умру под каким-нибудь мостом. Ну, оставайтесь с богом, дети мои!

— Прощай! — обнял его Дамиян.

— Желаем удачи, дедушка, желаем удачи! — прощались с ним все.

Высокий, сухой, стуча палькой, направлялся он к полю, поднимая первую пыль своего тяжкого пути. Под ярким солнцем этого дня, под раскаленным ветром старик шел просить подаяния от села к селу. И скорбно было видеть его теперь, когда он уходил нищим на встречу путям и дорогам Испании...

Перевод с испанского Н. ГЛАДКОВОЙ

старшины и слабым. На нем были деревенские штаны и открытый кипас поверх синей рубашки. Широкие брюки и кипас в золотой складке предполагали его от солдата. На левом плече у него было несколько маленьких сумок.

Дамиян поднялся, увидев его:

— Куда вам направляйтесь?

Несмотря на очень плохое зрение старик сразу узнал его. С глубокой горечью он им отвечаю:

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал! Прогнал меня! Я нау что больше негоден, и он меня прогнал! Он говорит, что ему в деревне нужен человек молодой, способный защищать его. Может быть, он прав!

Вот кандалы!

И женщины, подошедшие к нему, также вмешались свое негодование.

— Что за бесцердечие! Бедный старик! Вы брошите его так на улицу теперь, когда у него нет даже дочери, чтобы поддерзать его!

Роза, дочь его, умерла несколько недель назад. Старик взял в себя ее детей. Через несколько лет они смогли бы самим позабыться

о себе и о нем тоже. Но случилось так, что спустя немного времени управляемый доном Хосепом воротился в деревню, и он не нуждался

больше, и его уводили без всяких колебаний. Один ходил впереди, в стороны крестами. Удар этого был для него ужасен. Вот положение, в котором он очутился: ему было шестьдесят семь лет, и у него не было ничего, его выгоняли в поле, как беспенное ското.

Оставанных винчат забрасывали в сиротский дом, а старик с Ауриной, сунувшим им поводьями, решив уйти из поселка просить по дорогам маистости.

Он не мог делать ничего другого. Он об этом много думал. Ему оставалось только просить подаяния. Всю жизнь он был послушан, всю жизнь воспитывали его в работе, в смирении, в покорном безмолвии слуги, и он не мог в своем шестидесят седьмом лет стать другим. У подавленного, как бы уничтоженного тяжелой действительностью старика не могло и явиться другой мысль, как стать нищим.

— Во имя пречистой девы Марии — спасет он
— Без греха зачавший, — ответил за дверью.

— Бедный слепой просит подаяния. Он не может заработать!

— Да, соняят тебе Бог, брат! — и тот же голос продолжал:

— Господи, сколько развелось нищих! Невозможно всем подавать.

— Вот как хозяева награждают тех, кто им верно служит! — сказал Дамиян.

Старик кивнул головой.

— Да, да, — тихо проговорила он.

— А сколько лет служишь вы в заповеднике? — спросила одна женщина.

— Мне кажется, что вы всегда там были.

— Я бы там пятьдесят лет. Принца туда мальчиком, когда начали пастухом...

Пятьдесят лет защищали интересы хозяина, чтобы к старости тебя вышвырнули ником ноги!

Старик сознавал несправедливость этого. Он понял и многое другое за пятьдесят лет своей службы. Но он всегда покорен молчанием. Хозяин мог постучать, как ему вздумается. Хозяин был хозяином. Слуги должным были слушаться и молчать.

— Ну, хорошо, дето мой, всего вам доброго. Поймай, Аурину.

— В какую сторону вы пойдете, дедушка! — спросила одна женщина.

— Туда, в Кастилии, там, говорят, меньше голодных. Мы направимся по дороге в Саламанку. Да не все ли равно: иди туда или сюда. Мы обойдем всю Испанию, проси маистство, пока в один прекрасный день я не умру под каким-нибудь мостом. Ну, оставайтесь с богом, дети мои!

— Прощай! — обнял его Дамиян.

— Желаем удачи, дедушка, желаем удачи! — прощались с ним все.

Высокий, сухой, стуча палькой, направлялся он к полю, поднимая первую пыль своего тяжкого пути. Под ярким солнцем этого дня, под раскаленным ветром старик шел просить подаяния от села к селу. И скорбно было видеть его теперь, когда он уходил нищим на встречу путям и дорогам Испании...

Перевод с испанского Н. ГЛАДКОВОЙ

старшины и слабым. На нем были деревенские

штаны и открытый кипас поверх синей рубашки. Широкие брюки и кипас в золотой складке предполагали его от солдата. На левом плече у него было несколько маленьких сумок.

Дамиян поднялся, увидев его:

— Куда вам направляетесь?

Несмотря на очень плохое зрение старик сразу узнал его. С глубокой горечью он им отвечаю:

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь, каковы дела. Пойдешь по порогам мертвым?

— Да, я нау прошу маистство. Буду бродить по селенным, от двери к двери, прося кусок хлеба. Это очень тяжело в мои годы, такому, как я, почти слепому!

И прямой, с высоким лбом, с грувой серьезностью в лице, он запахал от волнения и головы.

Дамиян положил ему руку на плечо:

— Но что же произошло?

Старик понял, что его спрашивают. Он всхлипывает:

— Ты видишь, сын мой, хозяин меня прогнал!

Прогнал меня! — и он схватил старика за плечи.

— Кто же я, чтобы схватить старика за плечи?

— Ты видишь,

ИСПАНЦЫ НА ВОЙНЕ*

Отрывок из поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда»

Равнина, окаймленная скалами,
Где башни, извиваясь, вились к небу;
Все виделись в ширине пражским;
Созданы были с ней все ужасы войны...
Здесь ядер слад; там лут, коими снятый;
А пот гнездо дракона; у врага
Толой крестьян тес склон был вязты,
С тех пор они для всех испанцев святы:
Над неприметным победа дорога.
Кого не встретишь здесь с кожаной красной?
Она убрь оружия и сабли слагу;
Всюду на нее, испанцу, яко,
Что перед ним не злобный враг, а друг;
Беда преобрегает ее защищай,—
Кинжал остер, удар неотразим!
Давно врагах были перебиты,
Когда бы мог книжал, под плащем
скрытый,
Зазубрить вражий меч или скрыть орудий
дым.

Ужель должны отвага, юность, скла
Погибнуть, чтобы славой громких дел

Гордиться мог тиран? Ужель могила
Над рабством гнет Испании удела?
Ужель напрасны воины и молчанья?
Ужель спасти Испанию от бед
Не могут ни героям увлеченья,
Ни юности отважных стремленья,
Ни патриота пыл, ни мудрости совет?
Испанцы позабыли свою гитару;
Вступив в ряды солдат, забыли гимн войне
Они забыли Католиков на удачу!...
Раза враг... летят вперед они...
Увид легкой раны, крик совы, бывало,
Их приподняла в дрожи; теперь ни меч,
Ни острый штык их не страшно нимало;
Там, где бы даже Марс страшно стало,
Они Минеравы идут среди грома сеч...
Когда в вис Сарагосса день знали
В то время, как светлые сестры сей,
Когда в сел гладиаторский кураль,
Видели и слыхе ее кудряй,
Когда в вис сухи ее ласклив речи,—
Вы не могли бы поверить, что с пращей
Она искать с войсками будет встреча

И с ними, не страшась опасной сечи,
Близ сарагосских стен в кровавый вступит
вой.

Ее любовник пад, — она не плачет;
Пад вождь, — она становится вождем.
Удерживает трусы, храбро смеяч
пред войском, чтобы с прогнувшим врагом
Помочь, — она не боится смертей.
З другом и за павших поклон;
Она боязь думом надежд не найдя...
Средь стен разрушенных овалот не найдя...

Перевод И. КОЗЛОВА

* Эти памятные строки взяты, как и из называвшейся
помимо великого английского поэта Джорджа-Гордона
Байрона (1788—1824) поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда». Было имущество в свободе
любие во всех его проявлениях. В этих строках он
вспоминает испанскую осаду Сарагоссы в 1808 году Испанию.

В современных выдающихся Мадриде живут же эти
май героических революционных дат, с которыми отра-
зили здесь испанские солдаты доблестные защитники Сарагоссы.

E. ТАРАЕ

Осада Сарагоссы

Из эпохи национально-освободительной войны Испании против Наполеона 1808—1814 гг.

Дело было в странах для Испании времена. Французский император Наполеон послал на испанский королевский престол своего брата Иосифа. Наполеон вел в Испанию большую армию, приказал утешить во Францию целью стала мериносов, лицин тем самым Испанию драгоценнейшее сырье, которого ее обогащало, — мериносовой шерсти, обвязана всю страну на садном положении и дал своим маршалаам самые суровые приказы о подавлении огнем и мечом всякого сопротивления.

Служение не продлилось ионутка: вся Европа лежала у ног Наполеона. Русский царь Александр, армии которого были разгромлены Наполеоном еще в 1807 году, вступил в союз и дружбу с французским завоевателем и во время вторичного (после Гилявента) сражения с ним в Эрфурте, самым раболепенным и алчным тоном одобрил все насаждаемые Наполеоном реформы.

Но испанский народ, всмотря на эти, совсем, казалось бы, отчаянные, условия, не покорился и восстал против всемогущего императора. Началась бесконечная кровопролитная партизанская борьба крестьян, ремесленников рабочих, пастухов против великолепных, прекрасно вооруженных и дисциплинированных, первых во всем свете наполеоновских войск.

В июне 1808 года солдаты Наполеона подошли к городу Сарагоссе, в провинции Арагон, на севере Испании. В городе, где числилось от 42 до 45 тысяч населения, стояла небольшая испанская гарнизон. Всем восставшему народу власти над осажденным городом была вверена генералу Палафоксу.

Палафокс, привез к оружию всех взрослых мужчин, состоявших из них отважными отрядами. Ружьем было мало, было много пистолетов, артиллерии почти вовсе не было. Пани и кинжалы вылезались днем и ночью, над их выделкой работали и женщины и дети, и все-таки даже этого холодного оружия не хватало.

По приказу Наполеона, генерал Леберенгут вступил с войсками в Арагон и пошел на Сарагосу, истребляя и сжигая жатву, уничижая поселки и деревушки, расстреляв

крестильни, подозреваемых в сношениях с партизанами. Палафокс вышел из города с 9 тысячами человек на встречу наполеоновским полкам. Леберенгут после упорного боя, располагая подавляющим превосходством, отбросил испанцев. Когда истребленный на две трети отряд Палафокса вернулся в Сарагосу, он обнаружил, что город, магазины, пособившие отчаянию, боялись между раздами, отсыпая и не находя своих мужей, сыновей и братьев. Генерал Леберенгут, преследовавший Палафокса по пятам, уже ворвался в город, но после семичасового боя был вытеснен.

Началась осада — первая осада Сарагоссы. Город оборонялся и регулярным войском и гражданским ополчением. Леберенгут удалось снарядить в двух местах отсечки эту гражданскую милицию. В Сарагосе недавно соорудили крепость, в которой расположена обсерватория, командиров отославшие члены. Они были, в сущности, невиновны ни в чем, но в Сарагосе решено было самими жестокими средствами винить не привыкшему к дисциплине населению, что за малейшее упущение взыскиваться будет беспощадно и в первую очередь заплатят за все своей головой ответственные командиры частей.

Франсиско Гойя (1746—1828).

Какое мужество! (оффорт).

Франсиско Гойя (1746—1828).

На серии «Ужасы войны» (офорта).

Один за другим отражены были шесть штурмов, предпринятых против скучно снабженных испанских батарей. Испанцы сражались с ожесточением.

В течение конца июня и всего июля шли также бои, стоявшие масштабные жертвы и сражениями и оканчивающиеся. Войскам Наполеона помогало то, что они стреляли под прикрытием ровесников, а не открыто в лицо. Кресто-перевязанные солдаты прокрадывались к противнику под пальмы и гурбами деревьев, а когда окликнули их лозами, то партизаны перед расстрелом говорили умбанса: «Ничего, я свое сделал: шесть деревьев срубил. Ведь вы меня тогда на садимов поимали! А я, когда шла вчера вечером, боялся чём ты при дерева и не рассчитывал!»

4 августа последовал новый штурм. Солдаты Наполеона ворвались в город и укрепились на нескольких улицах. Начались пожары.

Резня на улицах не прекращалась. Испанцы и не думали признать себя побежденными. Каждый дом обращался в крепость, которую нужно было брать отдельно. Достаточно сказать, что за десять дней (с 4 по 14 августа) на главном участке уличного боя было взято всего четырех домов.

Неожиданно пришло спасение: племя твери-
лы, партизанской войны, охватившее Испа-
нию буквально со всеми четырьмя концами, застол-
ило Наполеона предпринять ряд мер по со-
здечтанию сил в немецких пунктах. Было
приказано снять осаду с Сарагоссы, ликвиди-
ровать город, который был взят штурмом и
все-таки не считал себя побежденным (так
точками) солдаты Наполеона в своих биву-
аках на улицах Сарагоссы под пулями, атест-
вавших в них с соседским у лиц).

И вот в ночь с 14 на 15 августа 1808 года оккупанты вдруг стали уходить с занятых ими улиц; батальон за батальоном, покидая город, скрывались по южной дороге в окрестных лесах.

Не веря глазам своим, плача от горя
Глядел осажденные на это молчаливое
Существо.

Наполеон был полон гнева. Ему, владыке мира, господину и хозяину Европы, осмеливались сопротивляться бесцумные студенты, пасторы, столяры, погонщики мулов, боссы пастухов! Император осенился 1808 года сам явился в Испанию, разгромил в открытом поле те регулярные войска, которые еще были у испанцев, обнял страну в осадном положении, неслась угроза преследования и беспощадно требовать партизан.

И вот тут-то начались те кошмарные ужасы, слабое представление о которых дала первая осада Сарагоссы.

Буквально не только каждый дом превратился в крепость, но каждая квартира и даже каждая комната в каждой квартире. Тут уже и женщины и даже дети приняли прямое участие в этом неслыханном побоище.

Набат гудел со всех церквей колоколами, пока ядра не разрушали их постепенно одну за другой. Этот набат призываю граждан продолжать сопротивление. В узких улочках народ не могла развернуться как следует свою атаку, но я старался систематически разрушения домов, и в конечном счете, склонялся за то чтобы стены, блоки и наступающими как из бойниц крепостей — и куч трупов на поле боя солдат валялись перед каждым домом.

«Девицы и дети приносят сражавшимися мужчина-м лицу и боевые припасы; когда мужчина падает, дева берет его руки и становится на его место; когда пук убивает ребенка, отец, если у него уже нет никакого другого оружия, хватает труп своего ребенка и бьет им французов, пока его самого не уничтожат». — Так описывают очевидцы эту несахнанную, небывалую войну в уже взятом городе.

Страшные эпидемии и прежде всего «голода» тип фискал в эти ужасающие для знати царственных Саратовы. Вымыв пословодательно из домов и улиц, солдаты Наполеона нахватывались складами с продовольствием. Еда стала не хватать уже очень скоро после того, как оккупанты впервые вооружились в городе, и вскоре угрожало, что эти-таки голодные, побитые солдаты Наполеона начнут жестокое сопротивление. Даже самые храбрые из армии Наполеона начали бояться тяжелое раздумье. Ничего подобного ингредиенты не видели...

«Мы еле овладели лишь одной четвертой частью города — и уже мы истощены. Нужно подождать подкреплений, иначе мы все тут погибнем и эти проклятые развалины сделаются нашими могилами раньше, чем мы заставим этих сумасшедших выйти из их последних убежищ», — писал в разгаре этих неистовых уличных и комбатных боев генерал Рония.

за Наполеону до взятия Сарагоссы. Истребить испанцев до последнего, но взять Сарагоссу! Таково было твердое желание Наполеона, а для маршала Ланна желание императора было непреложным законом.

Наконец, уже совсем мало защитников осталось на ногах, пиши не было, эпидемии так усиливались, что от болезней ежедневно становилось погибать больше народу, чем от французских пуль и пушек.

21 февраля 1809 года, в 8 часов вечера, Падафокс подписал слаги остатков озовошн-

Галакфокс подписал сдачу остатков разрушенного города. Из 40 с лишним тысяч населения за время осады было перебито 32 тысячи.

На другой день после сдачи маршал Ланин, спотыкаясь о бесчисленные, валявшиеся всю-

...Многое еще удаляющихся жертв и страданий
пришлось вынести испанскому народу в борьбе
против наполеоновских полчищ. Целых пять
лет после падения Сарагосы продолжалась
еще эта изумившая весь мир героизмом борьба
против непобедимого владыки Европы.
И так до конца наполеоновской империи. И

Но Наполеоны, а всего только Гитлеры и Муссолини хотят теперь наложить цепи на испанский народ.

—Помните, что мы потомки защитников Сарагоссы! — говорят постоянно в своих воззваниях военные вожди республиканцев, защищающие Испанию от фашистских интервентов.

Привет советской молодежи!

Приветствуем в лице «Смены» молодое советское поколение, которое так героически побогает и так весело живет.

Наше молодое поколение страдает сейчас в борьбе за свободу. Скоро, избавившись от фашистской угрозы, оно создаст новую жизнь.

Рафаэль Альберт
Мария-Тeresa Леон

Москва, март 1957 г.

John James en "Smena" es la nueva juventud soviética que tan heroicamente trabaja y tan alegramente vive. Nuestra generación separada en sufre hoy por la libertad. Poco a poco, la libertad de la América fascista, inaugurará su nueva vida.

*Rafael Albert
M. Teresa Leon*

Москва, 1957. март.

Мария-Тeresa Леон

Юноша, который нашел дорогу

И мы овладела растерянность, потому что даже начальникам налья было верить. Ночью часовые посыпали невесту агентами, тома, командованием генерала, командающим генералом. Она возвращалась из лагеря фашистов, куда ходили враги в здании расположения республиканских племетов.

Бывали дни бездействия, скучи. Тогда юноши думали: «Зачем я пошел добровольцем — студент, беспартийный, одинокий. Вероятно в то, что взялся защищать?»

Конечно, он и неизвестные фашисты. Но член, переходил от парашюта к парашюту, он не имел ни боевого опыта, ни боевой. Где-то солдаты, артиллеристы, солдаты и сердца! Нет, республиканские иные. Как хороши говорят командир Гадан! Рупор делает слышино его магнитный голос добрия. Гадан рассказывает о том, как фашисты разрушали города и села Испании, о помещиках, прогоняющих крестьян с земли и лишающих их последнего хлеба. Гадан вспоминает, как бы вспоминает, как вспоминает в сторону вражеских окопов, где и солдат его прислушивается немало крестьян, которых фашисты насильно ногами на борьбу с республикой. Он кричит, что республиканка дала крестьянину землю, что республиканские бойцы едят досыта, хорошо одеты и получают все почет.

С фашистского брустера отвечают:
— Ты лжешь! Умираешь с головой, у вас нет надежды! Сейчас с вами будет говорить сми-
рение!

Тут начинаются шум, крики и смех. Затем раздается мелодичный голос священника, кардинала и лацкана, утвояющего их сдаться во имя Бога и родины. И республиканские артиллеристы, начиная стрельбу, непротивительно приговаривают при каждом выстреле:

— Во имя божие!

И опять пустые, долгие, однообразные часы. Юноша проводил их, прислонясь к серому камню, грязь на солнце среди изолированного племени, видя впереди только скучную землю. Кто и это творил, он, конечно, способен думать о будущем. Даже тогда, когда Гадан описывал им, что будет после победы, они представляли себе странные вещи. Один думал, что тогда отоснется вновь, другой, что будет курить американские папиросы.

Мысль их еще спала: она пробуждалась, когда зарождались подозрения в измене их командирам. Внезапно, без всякого основания, они вспоминали историю его расправления, потом отрывались, погоняясь, и намечали операции срываться.

После того как они получили известие о взятии Пуэрто-дель Арбосено, их посыпал в Талаверу де ла Рейна. Юноша не разобрал толком, что произошло. Они приехали посылом, выгузились, кто-то отбрасывал у отряда винтовки и рожи к другим отряду. Потом налетели на местное самолетчище, было много. Все побежали, как муравьи из муравейника, разорванного ногой. Он тоже побежал.

Он бежал по берегу Тахо, прячась в траве, среди оливковых деревьев. Сначала никого не было рядом с ним, потом оказалась еще люди. Одни из них, вбегая в каждое селение, кричали: «Мария! Мария!» — и вспоминались вспомнили, а затем первая по болоту, раздавалась блеск испуганных юношей. Плачущие дети прижимались к материям, у стариков вырывались проклятия...»

Они бежали до тех пор, пока ноги у них не рас酥ухали, отжалели, налились свинцом. Селение за селением беспорядочно разбегалось, а эту ночь, распахнувшись на улицы Талаверы, разгоревшиеся вспышки, горели дома, группа бойцов, к которой пристал командр, решила кати в Мадрид. Один боец, анархист, кричал, что надо сменить всех командирами.

— А ты помнишь имя этого командинра?

Нет, почти никто не мог вспомнить имя своего командинра.

Дело было не в этом. Просто им страшно было одним, они не могли больше выдержать.

— Бросайте винтовки в воду! — крикнул друг.

И самые испуганные бросили их...

«Теперь они шли по линии железной дороги. «Руки вперед!» — маленький человек с оливковым лицом, синими глазами, синими волосами. Она начали было спорить, но в человеке была некрепкая воля, покорившая их. Она еле дотащились до плаощади поселка. У дома

консистории стояли задержанные грузовики с людьми, сковаными неизвестно куда. Из дома вышла женщина. Ее голос, высокий и сильный, заставлял всех замолчать. Они слушали ее, замирая, умоляющие от усталости и желания спать.

— Почему ты хочешь уйти?
— Уже пять дней я не видела своей матери.
— А ты?
— Я иду работать в Мадрид.
— А ты?
— Наши мамы — начальники! — закричала сразу несколько голосов.
— Я здесь начальница! — сказала женщина.— И первого, кто попробует уйти в Мадрид, пристреляю на месте!

Одни вступили вперед:

— У меня убила бранта.

Женщины сорвали ответами:

— А я не знаю, где моя дети.

— А я еще не едел сегодня.

— Я тоже...

И женщина стала помнить, что она трусом. Почему он для уважения себя другим? Безоружный, испуганный, бежала она в Мадрид. Когда он отложил и кроны слаще заструились в его ножах, его охватила тоска. Известия с фронта были печальными (война лишь начиналась), и республиканская авиация была еще слаба, она не имела сил отражать последние наледи противника. К тому же в боевых группах заложников, страдающих не целью, Испанию много спорят. Даже боевые части, которые становятся все больше, остаются открытыми с флангов из-за тех, кто не признают никакой дисциплины. Но теперь этому конец. Через несколько дней он снова был на фронте.

Дружинники держались неплохо, но пропали вражеские танки и наступающие стуки. Тогда дружинники перешли к революционному бою. Динамика действует отлично. Они сумели задержать танки и дружинники успели перестроиться. Но сапожник снесли на пол, — снаряда противника республиканские рдам...

И тут все увидели новые шеренги бойцов, которые спокойно, с поднятой головой, шли в атаку, как бы не слыша систа пузы. Они шли, держа щиты наизготовку, и наел «Интернационал». Защитники республики слушали его так, как будто одна эта песня была сейчас в пропаганде.

Родные шеренги наут атакуют, за ними успевают остальные. Песни затихают. Тогда смыкаются троек пулеметов. Это было первая битва, которая закончилась победой.

Юноша, закутанный в свой плащ, не чувствует сырости земли. Он уже не один: он входит в своих товарищей и командирам.

Да, правы те, кто говорит о дисциплине: дисциплина нужна, чтобы удержать завоеванное и добиться окончательной победы.

Перевод с испанского
Н. ГЛАДКОВОЙ

В атаку!

Рис. худ. Дим.

ГАНС БЕЙМЛЕР

Ганс Беймлер, выдающийся германский коммунист, боец интернациональной бригады, погиб в бою, защищая Мадрид от нацистов.

«Рот фронт!» — он крикнул, умирая.
Ганс Беймлер, ты погиб героем,
Тебя усыпали испанцы
И испанские саперы.
Француз, что в штальшней —
Тебя усыпала весь Мадрид,
И воздух весь, и даже плах,
Что рождена была на гибель
Твою, усыпала тебя.
«Рот фронт!» — ты упал на землю
Кастильскую — на землю чистых.
Сюда пронес твой гибель,
Чтоб сокрушить фашизм ее.
«Рот фронт!» О, пусть тебе усыпят
Германия проклятым тортом,
Где плачут сухой топор
Вознест, порвав чехо, —
Ту, что никак не хочет гнуться.
«Рот фронт!» Звучи, греми, славься,
Как плах в воздухе, взрывайся
На землю чистую, под небом,
Среди созвездий. Да веде,
Пока молчанием король
«Рот фронт!» наевки не вспомягай
В сердца, что верят, помнят, любят
И повторяют гордый крик,

С которым умер ты, Ганс Беймлер.
«Рот фронт!» Мадрид умел помянуть.
Он будет содирать с испанцами,
Пока проскакает город
Его винтовка. Фрэнце Роко.
«Рот фронт!»... Свистят печальный поезд.
Пред ним Испания. И шансы сияя,
Стоят, поникну головой, деревни,
Поселки, города... «Рот фронт!»
Между салов и апельсиновых
Умопомешанных рощ, в кругу знамен
Его Венесуэлы, Португалии.
Ей дорог этот гордый путь.
«Рот фронт!» Ты смышиш ли, Ганс Беймлер?
Вот Каталония: синеет
Морская гладь... оланы... в гору
Ходят виноградники. Вишня
На встречу Барселона. Рамбла...
«Рот фронт!»... И вижу я Москву,
На Красной площади, вперед
Со своим бесконечным таубогром,
Пост труба, и вот мороз
Твое закрылась... Фрэнце Роко.
«Рот фронт!»...

Перевод с испанского Ф. КЕЛЬИНА

Хозе МАРТИН

Героические батальоны

Малоизвестный Испания хотела бы много душ
и сил отдала для защиты Мадрида, но благо
своей родины, но, всплеснувшая защита
ее от нацистских фашистских интервентов, она
показывает чудеса героизма в борьбе за не-
зависимость страны, свободу народа, демокра-
тию и мир.

Отказавшись на призы коммунистиче-
ской партии: «Все на защиту Мадрида, и
Мадрида!», молодые люди из рабочих
рабочие и интеллигенты испанской столицы не-
медленно создали комитет координации. 25 ты-
сяч молодых бойцов стали на защиту Мадри-
да. По ночам они укрепляли дома, превращая
их в крепости; а днем в специальных школах,
организованных в каждом районе, знакомились
с тактикой уличного боя.

Студенты, молодые интеллигенты боятся
противостоять бою с боем с рабочей моло-
дежью. «Федерация об образованном студен-
честве, рукопашная членом союза социалистиче-
ской молодежи» Минувшем Тулью, вырази-
ла сотни артиллеристов, саперов, связистов
и т. д. Студенты работают также в отрядах
противовоздушной и противоминной оборо-
ны.

Здесь же, в Мадриде, началась стачка
героический пример ударного труда советской
молодежи. 100 тысяч молодых людей ежеднев-
но отдавали не менее двух часов для работы
на армату, изготовления снаряжение, амуницию
и т. п.

Когда Раймон Юпп, секретарь КИМ, посе-
тил маленький фронт, он спросил у одного
молодого бойца:

— Кто же таковой?
— Я антифашист-стахановец! — последовал
ответ.

Этот парень был одним из тех, кто после-
довал германскому примеру Колая, который
в свою очередь вдохновлялся потрясающими
впечатлениями Петрограда: не даром ви-
дела молодежь Испании фильм «Мы из Крон-
штадта».

Когда увидел однажды, как по дороге в Пу-
скуло двинулись пять фашистских танков.

С ручными гранатами в руках, рискуя жиз-
ней, подполковник почти вплотную к танкам —
и все пять танков остались на месте. Известно
о этом распространялось с быстрой огни,
и сразу же появилась желавшие последовать
примеру Колая. Движение приняло широкие
размеры и вы演化нило немало подлинных ге-
роев. Достаточно назвать Каракско, который
известен в секторе Университетского города,
и воссиявший в браческих танков.

* * *

Большинство молодежных батальонов, по-
крывших себя славой на полях битвы, было ор-
ганизовано федерацией обединенной соци-
алистической молодежи.

Одним из первых был батальон имени Па-
сисонари. Он роился в Лавапесе, районе
Мадрида. Едва обрадованы были рабочими
к морю, как вспыхнула пресловутая за-
падная поборьона, сблизив западинами.
Очерье добровольцев было там линия, что
терялась в конце Посольской улицы. Многие
пришли в сопровождении матерей, невест
Необходимым спокойствием вселяло ясно от этих
женщин, приведших отдать самое дорогое, что
у них есть — своих детей, своих любимых.

Имя Пасисонари — знамя батальона — вело
его от победы к победе. Редко бывало, чтобы до
конца не стоять, когда не вспыхивало вооружен-
ное бояния к рукопашной схватке с врагом.
В одной из таких схваток был взят фа-
шистами в плен и затем расстрелян в На-
шупальере командир батальона Андреа Мар-
тини.

Не было никого среди молодежи Мадрида
кто бы не знал Андреса Казалоса, он со-
здал из железа, этот нестигаемый боец. Но
нет, он был физически слаб, но он был
мощный духом, и собой, зорко внимавший
весенней научке. Он был отличный товарищ
весьчак, которого в самне тяжелые минуты
стало позиция шутливостью. Начало маяча
стало его в Барселоне, за организацией ме-

ждународной рабочей олимпиады, которая
должна была состояться в те дни. Из пятн-
тисычи спортсменов, окнавших начало олим-
пиады, была произведена первая мобилизация
для разгрома генерала Годэль. Когда Мартин,
распустив иностранцев, спортсменов, вернулся
в Мадрид, он сделал следующее заявление в
газете: «На берберской олимпиаде состоя-
лись только упреждения в стрельбе. Выигрыш
и старания были фальшивыми».

После жарких боев батальон имени Пасисо-
нари поспешил в Сигуэнсу и здесь, полузанес-
перевернут в бою, проводит большую военно-
политическую работу среди местной кресть-
янской молодежи.

Батальон «Молодые гвардейцы» — также один
из старейших боев. Оно получило название гимна ис-
панской молодежи, который сопровождает ее
на митингах и в боях.

«Мы дети Ленина...
Защита по улицам...
Пройдет победившие массы...»

Батальон этот создался в Мадриде в тек-
ние трех дней. За исключением пятнадцати
членов федерации социалистической молодежи
все остальные в нем не организованы из на-
селения. Среди командиров батальона мы
встречаем Трини — руководительницу женской
организации Западного района Мадрида. Жен-
щины-партисаны из этого района, организа-
ции батальона, посторонняя правящая Пасисо-
нари к женщинам: «Разрешите вспыш летам
выполнить их страстное желание — пойти с на-
ми на защиту свободы».

Руководит батальоном Каракско, член феде-
рации социалистической молодежи, студент.
Ему двадцать три года, но он имеет уже чин
лейтенанта в армии. Сын Сантоспер-
са, Политический комиссар батальона
«Молодые гвардейцы». Батальон
которому всего только двадцать лет и
который является, однако, одной из самых
популярных групп среди социалистической мо-
лодежи Испании. Этот молодой комиссар

(Окончание стр. 18).

Весь народ Испании ведет героическую борьбу с фашистскими интервентами. Рядом с отцами и старшими братьями дерутся дети-подростки. На снимке: молодой боец на мадридском фронте.

Фото Р. Кармен и Б. Макасеева

Девушка-боец проверяет пропуска на мадридской дороге.

Снимок из журнала «Сфир».

ГЕРОИЧЕСКИЕ БАТАЛЬОНЫ

(Окончание).

заслужила отличную оценку главного штаба. Веселая мадридская молодежь любит подшучивать над невероятно высоким ростом Балса. Когда он был назначен начальником обединенного союза социалистической и коммунистической молодежи, люди говорили: «Большой каше — большой казанье».

Батальоном имени Альда Ларинте (так звали героятическую погибшую в 1934 году молодую астурийскую племянницу) командовал Трифон Медрано. Недавно мы узнали горестнуюесть, что замечательный этот товарищ погиб в расцвете сил. Погиб в самой жизни, когда горя и труда — 41 — не побороть мебланской фабрике, Трифон Медрано юной вступает в ряды революционного движения. Постепенно из него выковывается признанный руководитель испанской молодежи. Он был генеральным секретарем комсомола Испании, а потом, когда мало было сделано для того, чтобы он там остался, боролся за единение коммунистического и социалистического союзов молодежи. Медрано был избран секретарем исполнительного комитета союза социалистической молодежи. «Полторы тысячи львов» — так называла Трифон Медрано свою отряд, и отряд этот завоевал себе беспримерную славу в боях с белыми генерала Франко и германо-итальянцами.

Нельзя не упомянуть батальон физкультурников, бойцом которого являлся ее прадед: «Сейчас не время метать диски, нужно бросать гранаты и ручные бомбы», — защищая Мадрид от фашистов. Собственно, физкультурных батальонов два: один составлен из амплексов, другой — из членов по всем видам спорта. И ради восстановления спорта в Испании Испания на бою Ганди забыла в битве.

Молодежных батальонов так много, что рассказать обо всех — безнадежная задача. И каждый батальон имеет своих героев, ибо героям сейчас — норма поведения молодых испанцев антифашистов.

В батальоне имени Пасионарио есть молодой человек, сын писателя Мигеля Малерана, что называет «бей маркапанами». Вот рассказ о том, как заслужена он или капитаны и свое почетное прошение:

«В Тоаледо я был в плена у маркапанов. Мне удалосьбежать, пересекаясь с крестильным крестом в Серро де Лос Анхелес и отбрав у врага пулемет с которым должен был быть профсоюзный рабочий. Я был потрясен своим поступком. Всю ночь я спал на деревьях. Всю ночь нам отдавали приказ захватить трапезу, занятую двадцатью пятью маркапанами. Я явился с группой бойцов, вооруженных ручными гранатами. Продолжая вперед, я пронес в один из концов окна. Оно спало из маркапанов не осталось в живых».

Этих героев, этих фанатиков, этих пасионариев, воюющих расстреливанием, потеряла страна, кою мадрида. Тут же увещевали бойцы пораженном взрывом и численностью противника, отступившим Франсиско Солано.

Бесстрашно новела им отряд в битве, но вскоре была взята в плен и расстреляна. Имя Франсиско Солана стало рядом таких имен героятической Испании, как Альба Одеана и Альба Альвардо.

Банз Сарасоты пять молодых дружинников были спасены установкой наблюдательного пункта на близлежащем, удобно расположенным холме. Молодые дружинники были встречены ружейным огнем. Фанатический отряд занял расположенный на холме заброшенный послодовский замок, где находились мечи, копья и оторвал стрелы. Всю ночь они поражали врага, а к утру фашисты, не знавшие ничего о численности противника, отступили.

Здесь приведены только отдельные примеры героятической испанской молодежи, единичные черты того мощного и стремительного движения масс, которое вспыхнуло на наших глазах антифашистской кровью. Это армия — славная и идеализированная — передает во все быт то, что стало. Молодежь Испании помнит слова племянницы Пасионарио:

«Войны может быть более и менее длительной, это зависит от нас... Молодая Гвардия! Вперед — к победе, к свободной и счастливой Испании, за которую мы готовы пожертвовать всем!»

Хосе Диас выступает на митинге.

ВОЖДЬ ИСПАНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

«Наш Хосе, «верный сын рабочего класса», «друг народа» — так его называют в Испании. Имя Хосе дорого каждому испанскому рабочему, потому что Хосе — это испанский фронт. В первом дне мая в Мадриде был раскрыт заговор; в списке тех, кого собирались убить франкисты, первым значился Хосе Диас. Этой поистине ненависти врагов испанского народа Хосе Диас приобрел давно.

Скромный рабочий-бухгалтер, в детстве батрак, он вышел на падр профсоюзной Севильи города, который романтическая традиция прославила боями бикин и проворами Фигаро. Но и испанский профсоюзный Севилья имеет другую славу: это город очестенных классовых битв, мощных стачек и баррикадных боев. Не случайно фашистские мятежники обратились к предке этого народного героя. Ни один испанский Севилья не разградил зеверевом палачу и пытному дегенерату Капито де Альяно. Сейчас Севилья залита кровью. Тысячи трупов заплатила она за то, что когда-то ее называли красной.

Красная Севилья! Ему слыши созда Хосе Диас, вождь рабочих Севильи.

Владел он и его женой Мария Медина, твердой верой. Под давлением чехословаков, чуть-чуть трофеями прошли, пытками, промылок, лобб, Крепкий и выразительный жест. Ум и воля — это славится в каждой честре, в каждом движении. Хосе Диас словно выбыл из одного стального куска. Ему 42 года. 30 лет назад он стал наименее рабочим. Ему бы хотели знать, что ему дали в тот момент, когда он покинул поезд Горнаса («бл. альб.»). Несомненно, что Гордану пришло музычить в русской пекарне, а Диас — в испанской: эксплуатация интернациональная по своим приемам, по своей мерзости.

Но блузовая стала для Диас школой. Он научился любить и ненавидеть: любить — прятаться по ночам, тайно поддерживать, не бояться, не беспокоить, как они: ненавидеть — это отняла у него и тысяч таких, как он, молодость, радость жизни, свободу. В сознании двадцатипятилетнего ребянина, принудившегося руками зарабатывать себе средство к жизни, произошел переворот. Истину классовой борьбы он постиг рано и испытала ее на своих плечах.

Из ученика вырос мастер, а на недовольно-

го — революционер. Когда же Испания донеслась раскаты откладского грома, Хосе Диас увидел, каким должен быть его путь, путь всеобщего пролетариата. Организация и единство — вот смысл успеха. Он знал это боевым лозунгом. В Испании, где рабочее движение издавна раскалывалось анархистами и реформистами, лозунг единства был самым революционным. Он с неизбежностью вел к большевизму, потому что только коммунисты хотели единства и боролись за него.

За единство боролись Хосе Диас. Этот молодой наполеон профсоюзного сердца, Диас не только побалован: в нем видели воэда. Он быстро выделился, стал одним из самых популярных руководителей севильских профсоюзов. Испанский профсоюз, кровью своей заплативший за раскол в рабочем движении, выдвигает на роли вождей только тех, которые могут им служить. Таков Далорес Ибаррури. Таков Хосе Диас.

В Испании бушевал фашизм. Тупой и самоизнадеженный солдатик. Приме до Риера

правлялся с рабочим движением. За сочувствие коммунизму казнили. Можна было грабить, убивать, насиловать, совершая любые преступления, лишь бы они прикрывались «богом» с короной. Но за одно только склонение противчика могла уйти, все равно: по суду или без суда.

Коммунисты были в глубоком подполье. К ним принадлежали самые смелые и отважные, только лучше люди нашего класса. К ним принадлежал и Хосе Диас: много путей у него не было быть. В 1934 году, тогда ему было 30 лет, он стал работать в рабочих МОИР. В годы фашистского террора работа в МОИР считалась государственным преступлением. Но это была работа исторического значения. Она поднимала дух борющихся революционеров, укрепляла их веру в свои силы и в силы своего класса. Идея социал-демократии, а не национальной демократии, стала активнее борьбы Диаса за морскую работу. Для него это была часть борьбы за славление сна борющегося профсоюзариата.

МОИР принес Диаса Диаса в ряды коммунистов. Диас понял, что только коммунисты действительно борются за интересы рабочего класса и действительно организуют его. С 1927 года Диас — коммунист. Он принес в компартию не как наблюдателем, а как боев

Загнившая в подполье, небольшая численностью, компартия Испании не привлекала болтуху и оппортунистов. Сюда же, тоже из политических сфер, предался промышленник Альфо. Альфо был поклонником анархистов, которые щеголяли самой «левой» фразой, но жили в ладу с фашизмом. Но Диас думал не о своих выгодах, а об интересах своего класса. Он стал коммунистом и отнюдь вступила в схватку с анархистами и синдикалистскими сектантами, которые призывали рабочего класса «отойти от политики», то есть устроить мирное царство.

Это было также время для коммунистов Задавалинской террории, обескровленной, загнившей в глубоком подполье, она теряла и без того небольшие силы, особенно в Севилье, где террор был исклучительно жесток. Нужны были свежие силы, новые люди, такие, чтобы вновь встать на ноги. Хосе Диас. Он родился в кучных борбах, занялся собиранием разгромленных сил партии. Он сразу стал не только воином, но и командиром. Коммунисты севильского подполья сделали его своим руководителем. Он руководил талантливо — это было признано всеми. В короткое время севильская организация коммунистов стала одной из самых крупных и прочных в Испании. Всюю юность Диас был арестован, связи были нарушены, но Диас сумел все это быстро восстановить.

Шли месяцы, годы. Пришла апрельская революция 1931 года. Маленькая испанская компартия вышла из подполья на яву, ее ряды стали быстро пополняться. И вот в подполье она начала проникать в массы. Сотрудники она стала насчитывать в тысячах. Революция не удовлетворила пролетариат, не удовлетворила крестьянство. Народилась новая революционная волна. В деревнях Андалусии крестьянство начинавшее гауху войну против помещиков и понов. В Севилье и Гранаде, рабочие захватывали предприятия. 1932 год настал, и вновь подполье, боррискадам. Эти годы оканчивались всем Испанией.

Одной из первых в этих боях была Андалусия. Первый в Андалусии был Севилья. Диас был руководителем всех коммунистов Андалусии, самым популярным человеком в Севилье. Когда начались особых забастовки в Севилье, республиканское правительство посыпало пыль на глаза. Красные, которые называли фашистами обнадежлены, стали нападать на рабочих. Диас призвал пролетариат Севильи к обороне. Он сам руководил постройкой баррикад, сам участвовал в схватках с фашистскими бандами и с отрядами белогвардейцев («гражданской гвардии»). Полиция сквачила его и бросила в тюрьму.

— Диас в пленах! — эта весть как электри-

ческий заряд пронеслась по всей Севилье. — Наш Хосе в опасности!

Чем дальше, тем яростнее демонстрации протеста. Власти ежесекундно получали сотни возмущенных резолюций. Вся рабочая Испания вступилась за своего Диаса. Власти спешни: им требовалось скорее избавиться от опасного коммунистического вождя. Ускоренными судами приговоры его к 18 годам тюремного заключения. Это было не мелкое наказание.

Судья спросил: «Нет, простите! Испания

не так легко отдать своих вождей в лапы

революции. Голоса возмущения стояли еще выше

настоящими, каждую минуту угрожая взрывом.

Власти почтывались, что положение становится опасным. Они заявили представителям рабочих:

— Судя по всему, — Диас будет освобожден на поруки. Иначе 18 лет.

3 тысяч писателей-стражи суммы для бедных рабочих организаций. Ведь Испания — страна самой низкой зарплатной платы в Европе! Но так велика любовь севильских пролетариев к Диасу, что они в короткий срок, буквально по громам, собрали эту сумму. Многие отдавали последние деньги. Это была величественная демонстрация пролетарского единства, и Хосе Диас заслужил ее — тот Хосе Диас, который смелошел на катару за интересы своего класса.

Но победа Хосе Диаса была прежде всего победой коммунистии, германского, неустанным трудом, смиренной жизнью, смиренной смертью. Судья, который сидел на трибунах, был первым, кто начал работать в рядах коммунистов. Севильяские бои показали, что только коммунисты способны руководить пролетариатом в борьбе за его насущные нужды, за его будущее.

С тех пор имя Хосе Диаса — одно из самых популярных в Испании. С 1932 года Диас занимал пост первого заместителя генерального секретаря. Секретарем рабочий, он стал вождем испанского пролетариата, одним из популярнейших деятелей мирового коммунистического движения, членом Исполкома Коминтерна.

Его черты: мужество, дисциплина, твердость, умение всегда сохранять ясную ориен-

тировку и спокойно принимать нужные реше-

ния, умение в сложных условиях работать в

Испании, мужественному и германскому про-

летариату которой подчас недоставало именно

дисциплины. Диас никогда не терял прису-

стия духа. В исторические, октябрьские дни

1934 года Хосе Диас настойчиво призывал

пролетариат к единству, мобилизовывая свою

рабочую массу для помощи германской Асту-

рии. Когда началась полоса фашистского тер-

рора, он спокойно и уверенно перебрал пары полотен и в полном порядке продолжал борьбу за единство пролетариата.

Результаты этой работы коммунистов, в которой Хосе Диас воинствует выдающееся место. В Испании вспыхнул мощный народный фронт, о который разбиваются силы международного фашизма.

Президентом Исполнительного комитета Коммунистической партии Испании был избран Хосе Диас, так оценка деятельности испанской компартии:

«Президент ИКИК обладает влиянием центрального комитета коммунистической партии Испании, мобилизующим членов партии и все народные массы на борьбу против фашистов, стремящимися уничтожить парламентский режим и установить фашистскую диктатуру, — заявил Хосе Диас, — Испания — одна из последних стран парламентской республики, гарантствующей все права и свободы испанского народа, распавшей народного фронта, в которой будет поддержанна материальная база фашизма, в которой он будет мести фашизму и народ сможет свободно выявить свою волю и сам решать свою судьбу».

* * *

Сегодня Хосе Диас не знает ни часа отдыха. Он руководит партией, спасающей народный фронт, поднимает дух бойцов на позициях, организует производство в тылу, ведет борьбу против троцкистских выродков — этих фашистских агентов Гитлера и генерала Фрунзе.

Диас пишет возвзвания и статьи, пронизанные яркими речами и с кирзовыми руках работают на субботнике по обороне Мадрида.

Он весь такой, как созданный его испанским пролетариатом, как руководимый им германская компартия Испании. И если эта партия, когда-то бывшая гордостью смиренных, сейчас насчитывает в своем ряду 200 тысяч членов, то Диас ведет за собой гордые массы испанского народа — это бескорыстно, также и заслуга Диаса, мужественного революционера, стойкого большевника, одного из лучших людей Коммунистического интернационала.

Бесластный доклад Хосе Диаса на последнем пленуме ЦК испанской компартии показал во всем рост этого замечательного вождя испанской рабочей партии, которого, как и германскую Доротею Ибзбург, знают и любят почти все мира.

— Мы принесли много жертв, — говорил Диас, чтобы выиграть войну. Борьба будет тяжелой и долгой. Но мы победим, потому что боремся за дело всего человечества. Примером нам служит Советский союз.

C. ОСИПОВ

«Вива, Русия!», «Вива, Сталин!» — раздается в городах и салах Испании. Пример рабочих и крестьян Советского союза, отголоски сюю родины от армий интервентов, воодушевляют испанский народ в его великой борьбе за свободу и счастье. Продовольственная помощь, которую оказали советские люди женщинам и детям Испании, твердая линия представителей СССР в лондонском комитете по невмешательству, направленная к разоблачению интервентов и их пособников, — все это вызвало рост горячих симпатий республиканской Испании к СССР.

На снимке: портрет товарища Сталина, изданний в Барселоне. На обороте портрета надпись: «Рабочицы артиллерийского парка № 4 приветствуют товарищей из СССР». Внизу — сотни подписей. Портрет был подарен работниками Барселонской моряки теплохода «Зырянин» и теперь находится на выставке «Революция в Испании» в московском Музее революции.

Глубокими бухтами изрезано побережье Валенсии.

На берегу Средиземного моря раскинулся город Аликанте.

Горная цепь Сьерра Невада отделяет Гранаду от побережья. На склонах этих гор стоит древний замок Альгамбра.

ЕСРД

Древнее нагорье. Камни. Сухие степи. Жгучий ветер. Мчится в Атлантический океан большие несущодвижимые скалы — Агуас. Тахо. Гвадана. Навстречу им, со стороны Португалии, приходит волна, смыкающая землю мозгами, валим гор — Сиера де Гата. Сиера де Гредос. Сиера де Гвадардилья. Кастильская Месета кажется вершиной исполинской горы, с которой спускающиеся в благодатные долины проморские провинции.

Боц, закутанный в плащ, проезжает по узкой гротинке. Остановись боц! Посмотри вина, как склонено бледное лицо!

«Наша старая испанская земля обрадовалась римлянами и вандальянами. Наша земля способна и теперь и вперед на многие века давать и золото, и аделасины, и угорь, и оливы, и медъ, и пшеницу. Старая испанская земля показала миру, какими неисчислимими богатствами она обладает. Мы не будим ее украдуть».

Так пишут газеты республиканской Испании, так думают о своей родине ее первые сыны.

На высоте шестисот метров над уровнем моря лежит плоскогорье — Кастильская Месета. В долинах — искусно орошающие пашни. На возвышенностях — овечьи отары. Водораздел рек Дуэро и Тахо делит эту живописную землю на Старую Кастилию и Новую. На этом водоразделе в начале эпохи республиканской остановил наступающие с севера войска мавританцев. Здесь проходит фронт. Сюда же возвращаются вновь мавританцы из южного горья, омывающего Пиренейский полуостров. На юге Сиера Morena отдает Кастилию от Андалузской низменности. На юго-западе средиземноморская провинция Мурсия отторжена от Кастильи горами Сиера де Алькарас. На востоке Новая Кастилия отдается от Валенсии нагорьем Кунига. На северо-западе Кастилия отгорожена от Бискайского залива — от Астурии и Баскской Кантабрийской горами.

Окруженный барами гор, в самом центре Испании висит Мадрид — единственная крупный город плоскогорья, насчитывающий около миллиона жителей.

Мадридские небоскребы не меняют характера белой сельскохозяйственной области. Рядом с Мадридом расположены древние кастильские города Толедо — 27 тысяч жителей. Служба Рояль — 23 тысячи. Да и Мадрида — только второй по количеству жителей город в стране. Самый многолюдный город Испании — промышленная Барселона, по ту сторону Кастильской барьера прекрасная Барселона на берегу Средиземного моря.

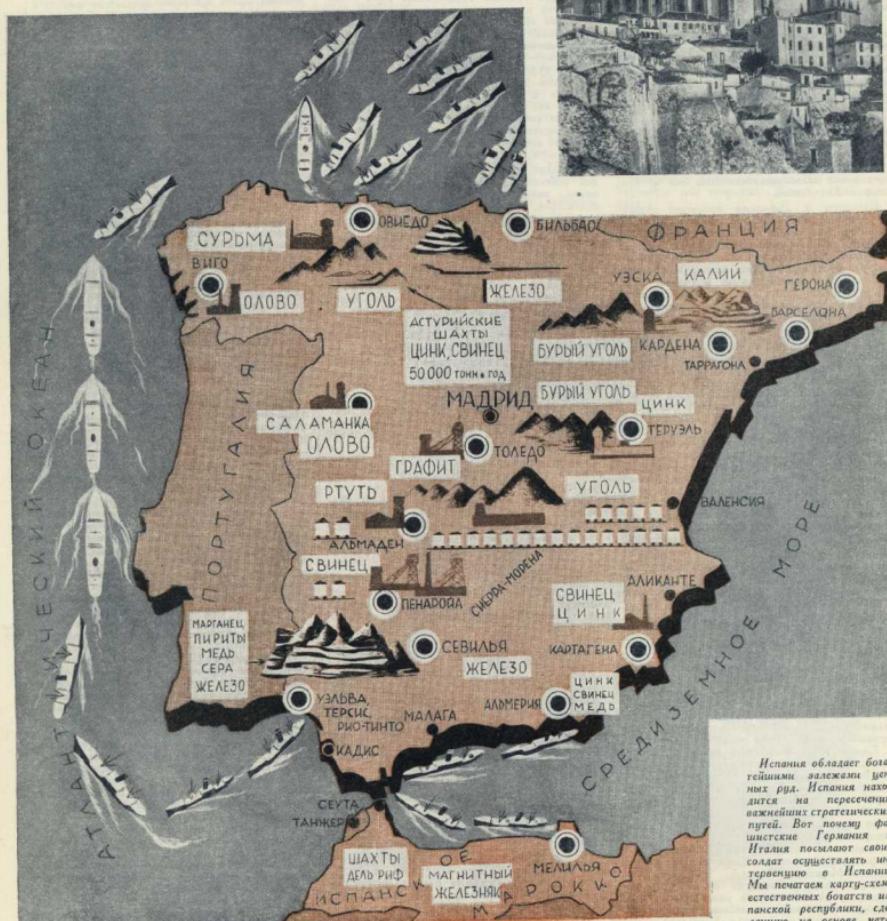
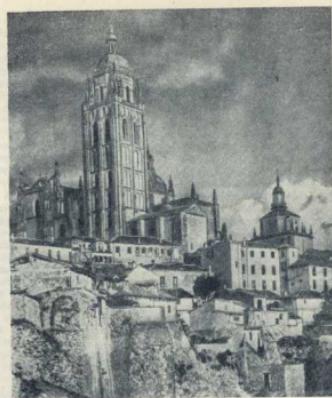
Куда бы бросишь взор — повсюду окруженная горами цепами степи, на которой встречаются ветры Атлантики и Средиземного моря. Старое кастильское плащо — основная хлебная область Испании.

Но чем дальше продвигаешься на север от дубовых рощ Эстремадуры — самой отсталой сельскохозяйственной области Испании — тем с Пиренейскими горами быстрее заменяется пейзаж. Кантабрийские горы снижаются, и подноожия их, на берегу Бискайского залива, лежит город Сан-тильдер. Это уже не сузя Кастильская Месета: это горная страна с мягким и влажным океаническим климатом. Здесь ведутся большие разработки цинка и железной руды.

Горная область, занимавшая северную оконечность Кастилии, граничит с двумя приморскими областями — Галсией и Астурерией. Кантабрийские горы здесь поднимаются на высоту двух с половиной километров над уровнем моря, почти совершенно оторвавшие Астурерию от Кастилии и Леона. Только единственная железная дорога связывает Овьедо — центр провинции — с Леоном.

Испания

В Испании есть множество старинных городов с замечательными памятниками средневековой архитектуры. Многие из них теперь погибли от бомб фашистов. На снимке: вид города Лериды в Каталонии.

ВОТ НА ЧТО ЗАРЯТИСЬ ФАШИСТСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ.

Испания обладает богатейшими залежами цветных руд. Испания находится на пересечении важнейших стратегических проливов. Вот почему фашистские Германия и Италия стремятся захватить ее и осуществить интранзицию в Испании. Мы печатаем карту-схему естественных богатств испанской республики, сделанную на основе материалов газеты «Мундо оберро».

Астурия — страна угла. Три с половиной миллиона тонн черного топлива добываются здесь ежегодно. Уголь и только уголь на берегу моря. От соседней Галисии Астурия отделена исключительно хребтом. Высокогорная Галисия находит свое продолжение в Астуринских горах — галерии — галереи. Большая часть Галисии расположена в бассейне реки Минью, и вся она пересечена быстрыми горными реками, сбегающими с Галисийских гор к Атлантическому океану. В этой отдаленной провинции, захваченной между португальской границей и Атлантическим океаном, живут 1,5 миллиона человек. Промышленности почти нет, хотя Галисийские горы таят в себе богатейшие залежи мышьяковых руд, меди, свинца, вольфрама и золота.

Из Бургоса, центра Старой Кастилии, дорогой впереди спускается — ободренный медведем и уткой. Здесь, на склонах Бургосской горы, самые крупные залежи медных руд в Испании с ежегодной добychей — два с половиной миллиона тонн. В Бильбао расположены крупнейшие металлургические предприятия: Альто Ордес, Соти, Амар. Но здесь же — чисто сельскохозяйственное производство: Кордова, Вито и Понтиедера. Житейская занята рабочей силой и притягивает сельским хозяйством. Промышленности почти нет, хотя Галисийские горы таят в себе богатейшие залежи мышьяковых руд, меди, свинца, вольфрама и золота.

Из Бургоса, центра Старой Кастилии, дорогой впереди спускается — ободренный медведем и уткой. Здесь, на склонах Бургосской горы, самые крупные залежи медных руд в Испании с ежегодной добychей — два с половиной миллиона тонн. В Бильбао расположены крупнейшие металлургические предприятия: Альто Ордес, Соти, Амар. Но здесь же — чисто сельскохозяйственное производство: Кордова, Вито и Понтиедера. Житейская занята рабочей силой и притягивает сельским хозяйством. Промышленности почти нет, хотя Галисийские горы таят в себе богатейшие залежи мышьяковых руд, меди, свинца, вольфрама и золота.

Вдогонку к Пиренеям прилегает Арагон — одна из трех областей Испании, расположенных в бассейне реки Эбро. Это — промышленная провинция, что Арагон начинается к югу от Пиренеев. До самой Сарагоссы, областного центра, протянулись суши степи, вымытые солнцем. В Арагоне долгое и горячее лето. Система оросительных каналов вспахала пышную зелень пустыни. Все Арагон может превратить в цветущую пустыню — виноградники Испании. Но зато теплые воды.

Самая северная из областей Испании — Каталония — лежит на берегу Средиземного моря. Оливки, вино, пробковый дуб — вот сельскохозяйственная продукция Каталонской автономной Республики. Но Каталония, прежде всего — самый мощный индустриальный район страны. Две трети ее промышленности — это металлообработка, машиностроение, судостроительные, химические, электротехнические. Здесь расположена основная текстильная промышленность Испании. Каталония граничит с Францией и караоками — самостоятельной республикой Андоррой. Эта республика также имеет свою промышленность, но в Пиренеях, на склонах в басейне впадающих в Арагон рек и имеет всего 5 тысяч жителей. И народ этой республики — каталонского происхождения.

На юго-западе и юге Испании раскинулось созвездие арагонских земель: Валенсия, Мурсия — то, что зовется одним словом «Испанский Левант» — и Альдалазуэ.

Они окраинны темным дымением Средиземного моря — плодородные стени, цветущие долины, в которых вспаханы поля, горы.

Валенсия побережья простирается: Валенсия, Кастильские горы близко подходят к берегу. Таким образом, область ограничена с равнинами узкой прибрежной полосой: от 50 до 100 километров. Основное областное — виноделие. Многие сорта рек Хиронес и Альбасоррас расположены в Кастильской равнине. Задесь же — единственная в Европе роща финиковых пальм. Виноград, оливки, пшеница, интенсивное садоводство — вот чем богата и славна эта солнечная область.

В плодородных долинах Мурсии растут пшеница, ячмень, инюргон. Порт области — Карагатана. К югу от Карагатана имеются разработки алантитовых месторождений серебро-цинковых руд.

Альдалазуэ — крайний юг Испании. Узкий Гибралтарский пролив отделяет ее от жгучих пустынь Марокко.

Альдалазуэ — страна гор, климат ее не знает столь резких колебаний температур, как центральное плоскогорье. Благодаря этому небольшая северо-западная область рождает столько же оливок, сколько вся остальная Испания. Альдалазуэ богата такими рудами. Это по-

лесная сокровищница страны, недавней соединение горнодобывающей промышленности и широкого разнообразия субтропических культур.

Южные склоны Севера Испании значительно богаче северных. Если в Кастилии эти горы в腊ают в себе только ртуть, то в Альдалазуэ на них расположены свинцовыерудники в Альваресе и Пеньякорде; работают артиллерийские фабрики в Рио-Тинто, где добываются железные руды в Альваресе.

На многосторонней Гавдандиниере стоит большая город — Севилья и Кордова. На берегу Атлантического океана расположены важнейший порт Кадис — удобная гавань для вывоза руд и сельскохозяйственных продуктов.

Южнее Севера Испании раскинулась горная промышленность Гранады. Альдалазуэ горы подводят почты к самому морю, и среди них есть горы, покрытые синими цветами. Север Испании — горы Невада. В ее толщеятся крупнейшие месторождения полиметаллов. Крупнейший порт побережья — Малага — удобен для вывоза железных руд. Отсюда после захода порта металлистами уходят в Германию пароходы, оккупанты же в свое время уходили в Уэльсу. Уэльса — немецкая земля с хлебом и мясом. Альдалазуэ — богатейшая провинция испанской республики, вот почему интересует прежде всего пытаются пребывать ее в руках.

Двенадцатизадометровый Гибралтарский пролив отделяет Альдалазуэ от Испанского Марко, заполненного 28 тысячами квадратных километров. Около Малаги и Севти работают рудники, давая 30 тысяч тонн руды в год.

* * *

Велики богатства Испании. Семьсот миллионов тонн железной руды, богатейшие в Европе месторождения цветных металлов, второе место в мире по добче ртути, второе же место по добче серебра. Солнечные субтропики рождают арагонские породы пробкового дуба, оливковые деревья, виноградники.

В Испании триста мильонов оливковых деревьев, шесть миллионов га под золотой пшеницей, два с половиной миллиона га под виноградом, дающие прославление вина: Мадрид, Херес, Альварес. Искусственное орошение может во много раз увеличить эту площадь, превратив всю страну в сплошной цветущий сад.

Само по себе богата эта южная страна, областями всем, что может сделать счастливыми ее народ.

Именно потому разночинный фасции Германии и Италии — враг свободы народов — захватил в Испании. Фашин — это война. Война — это стратегическое сырье. Страгетического сырья: железа, угля, синтетическая медь — многое в Испании и не захватил интересов.

Еще задолго до начала военно-фашистского марша в Испанию в Бильбао складывалась между собой конфронтация двух партий Испании. Это было сделано в апреле 1935 года германским обществом «Металлгальдесшафт». Организация синдикат для вкладывания Пиренейского полуострова, в который вошли крупнейшие фирмы, включая Синене и Гальсие, Крупин и знаменитый химический трест «И. Г. Фарбениндустрия».

В Севилье работает немецкое общество «Исмаиль Альмайт». Несколько лет назад в Испанию пришла из Испанского Марко. В январе Германия потребовала шестистот тысяч тонн руды за самолеты и амуницию, доставленные войсками генерала Франко.

Италия и германские рыцари сласти хотят задушить республиканско-демократическую Испанию. Их скромная цель — превратить Испанию в плацдарм для развертывания своих разночинных военно-стратегических планов.

Кастильские высоты боятся застыванием на перевалах, впитывают угольные пыли Астурии и железорудные массы Гасконии и повторяют горделивые слова:

«Наша страна способна и теперь и вперед на многие века давать золото, алюминий, уголь, оливки, медь, пшеницу. Мы не дадим ее украдь!»

Д. М. ЛЕБЕДЕВ

Большое

В алье Рамблья, где строгие пальмы стоят ровной строкой на склоне холма, вновь, как всегда, гудела мотоциклами, многоголосая толпа и черноволосые девчонки в пестрых шапках налепрой предлагали фиалки и алианы. На город шел вечер — большой и разумный, вечер, напоенный приятными ароматами Альдалазуэ.

К крошечной комнате, превращенной в портновскую мастерскую, не было входа, и в душном воздухе никогда не чувствовалась запаха моря. Иногда Алина пробовала вязаться: все тело ее изнывало от надолallee тяжелой работы, и так мучительно хотелось спать. Но Инга, ее подруга, говорила, что она всегда оставалась молчанием, и тяжело, когда перетаскивали какую-то особенную глубокую сумку, как у мадонны Муральо. Впрочем, многие и называли Алину мадонной за особенную одухотворенность лица. Но они ошибались: раз мадонны бывают такие мадонины! Мадонны тоже есть и блаженные. Да Алина и не верила в то, что что-нибудь вымызгало досаду и беспокойство в голову что-нибудь, исподевавшего ее мать.

Когда ночью дом покурялся в сон и из севальной каморки доносился разноголосый дыхание спящих родителей, Алина не выходила из улицы — туда, куда въезжал ее звонкие колоколы. Альдалазуэ — это земля, где альпийская заморозка темным временем, она званища чистоты, и это была единственная ее радость. Она погружалась в книги, газеты, журналы, она жадно ловила каждую мысль. И все казалось таким новым! Ни замысловатые шумы Рамблы, ни прыжки занавесок томлами — ничего так не вдохновляло ее, как старые песни.

Но из всего, что читала Алина, оставалась одна мысль: инициа патрия не обещает ей избавления от инциты, от тяжелого, рабского труда, от беспризорности. Те кто обещают это счастье, сами не знают, как его достичь, не знают просто друг. Только одна патрия — коммунистическая патрия — имела ясную программу, но она была слаба, мысль еще не шла за неей, — это Лина энха.

Ее не удовлетворяли белые интересы ее портновской каморки. Маленькая портника на Бильбао, в руках, от испарившихся ноготков, с маком в болом деле и о большой жизни. Ну и что же из того, что сейчас коммунисты слабы? Какой-то внутренний голос, какой-то большая сообразительность, которая всегда была свойственна этой замечательной девушки, подсказывала ей, что коммунисты принаследят всему миру.

И вот она пришла в комитет коммунистической партии, скромный и деловой, не такой, как парадные дворцы других политических партий Каталонии. Она пришла и сказала:

— Я хочу быть коммунисткой и хочу работать для народа.

Родственник Казанлык, который тогда руководил комитетом, окликнула ее взглядом с головы до ног.

— Ты, таля маленькая? — изумленно спросила он.

— Да, я — город ответила Алина. — Разве в партии не принимают?

Казанлык рассмеялся.

— Вот это хорошо! — сказал он. — У тебя, малота, есть характер. Только такие люди и нужны коммунистам.

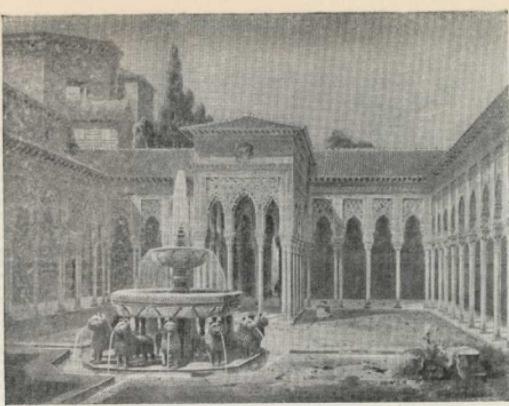
И Лина — совсем малыши — через некоторое время была принят в партию, и с этого дня ее вспыхнула чистая присяга преданных борьбе. Альдалазуэ — это земля, где существо развретившая свою работу, было мало, и они не знали, как подойти к массам. А Лина умела разговаривать просто и задумчиво. Скоро все увидели, что из маленькой скромной девушки вырастает большая и та-

Бартоломео Эстебан Мурильо (1617—1680).

«Дети на берегу».

Знаменитый Львиный двор в замке Альгамбра в Гранаде. Фашистские варвары устроили теперь в Альгамбре артиллерийский парк.

Сокровища Испании

Г. КОРСУНСКИЙ

Страна, которая ныне прославила себя в геронической борьбе против фашизма, была издавна знаменита своим искусством. Великолепные картины, написанные ее художниками, расходились по всем странам мира.

В настоящее время СССР занимает первое место в Испании в Европе по количеству прекрасных образцов старой испанской живописи, находящихся в государственных музеях. Правда, Англия и Франция не уступают Советскому союзу по количеству испанских шедевров, но там многие из них принадлежат частным лицам и недоступны обывателю. У нас же каждый кто пожелает в ленинградском Эрмитаже, Музеях изобразительных искусств и кинескопе Музея изящного искусства, может составить себе полное представление о достижениях испанской живописи XVI и XVII веков.

Самыми величими явлениями художественной истории Испании мы считаем архитектуру и скульптуру средневековых (XI—XV веков) и ранних капиталистических («золотого века» XVI—XVII веков) и творчество министра и гравера Гойи (1746—1828). О судьбе шедевров, созданных в эти эпохи, думают сейчас художники и искусствоведы всего мира. Само существование этих шедевров поставило под угрозу разрушительной деятельности фашистских варваров. Буржуазия не стала защищать историческую культуру и не останавливается перед уничтожением гигантских культурных ценностей для достижения своих классовых целей.

900 лет назад, когда на берегах Днепра рождалось русское искусство, в Европе было только две страны высокой культуры: византийская империя и Испания. Испания была тогда самой могущественной в мире арабской государством — Кордовским халифатом. Победою тому, как древняя Русь усвоила достижения византийской культуры, испанский народ, щитив в себе лучших сынов мусульман-

ской цивилизации арабов, стоявшей на необычайном уровне в IX—XI веках.

В XI веке халифат распадается и испанский народ постепенно возвращается в свою территорию, которой арабы завладели в VIII веке. И вот замечательное явление: ведь испанцы, живущие с маврами, испанцы не разделяют их здешней культуры и привычек и живут на службе мавританских зодчих и ремесленников! Прежде чем потомки мавров были изгнаны из Испании в 1609 году, они успели украсить многие города Испании своими архитектурными произведениями с томчайшей узорной отделкой, которые великолепно сохранились до настоящего времени в волнистых ароках гранадского Альгамбры в 1936 году.

Архитектурные памятники средневековья весьма разнообразны в Испании. Среди них различаются памятники мавританского, романского и готического стилей.

Шедевром позднего мавританского искусства является замок Альгамбра в Гранаде. Построен в XIV веке, как дворец гранадских королей, замок Альгамбра — это самое величественное и изящное из всех мусульманских сооружений и недосыпалый образец мавританской архитектуры. Построенная на высоком холме, извне она кажется сурою крепостью, а внутри изумляет посетителя сказочной роскошью своей отделки. Каждая зала ее сплошь укрыта разнообразнейшими лепными орнаментами, витиеватыми арками, изящными колоннами с ажуром цветов. Колонны Альгамбры так стройны и тонки, что многие зрители никак не могут поверить, будто эти колонны на самом деле несут на себе тяжесть стен. Да внутренних дворов Альгамбры: Львиный двор (названный так по каменным львам, поддерживающим мраморные фонтаны) и Патио де ла Альбера (двор с прудом, обрамленным мраморными стоящими поэзиями и проповедями на весь мир как зеркала непрозводимой красоты). Испанский народ издавна считает Альгамбуру национальным сокровищем.

Но фашисты пренебрегали всем этим. Завал-

дев Гренадой, они превратили исторический холм Альгамбры в артиллерийский парк, не пощадив и древнего здания. Особено пострадала тончайшая отделка стен дворца. Обмыты такими фугами — деревья в крепости покоряли архитектуру, чего никогдя не делает армия республиканцев.

Сокровища романской архитектуры (Санта Мария де Рибас, Санто Доминго де Слюс, Сантилья де Компостела, храмы в Сеговии, Саламанке и Хероне) невредимы, так как расположены в стороне от театра военных действий. Но скверные дела фашистов не оставили и что-либо из античных памятников. Видимо, фашисты хотели посогнать из них, как они посогнули уже на лучшие образцы средневековой церковной архитектуры во время обстрела Барселоны. Кстати сказать, фашистские снаряды миналию по их чистой случайности. При бомбардировке столицы Кастилии с моря непременно должны были пострадать самые красивые и красивые здания города, но что большая часть их расположена недалеко от порта.

Готические памятники также пострадали от фашистского варварства. Прекрасный прославленный собор в Овьедо, с башней, оконченной в 1556 году, обезображен и искалечен фашистами во время уличных боев в конце 1936 года.

Но сама же не больше всего пострадала архитектура испанского Возрождения, о которой приходится говорить сейчас как о здании, почти исчезнувшем, доступном изучению главным образом по книгам и фотографиям. Еще год назад тысячи туристов, с восторгом рассматривали в городах Кастилии прекрасные памятники ее. А ihnen там — страницы развалин!

Чудовищная по своему зверству бомбардировка Гвадалахары разрушила здания огромного исторического значения. Этот маленький кастильский город, давно уже не игравший никакой роли в политической жизни Испании,

Диего де Сильва Веласкес (1599—1660).

«Кузнница Вулкана» (Прадо, Мадрид).

был известен как колыбель архитектуры испанского ренессанса, местожительство основоположника этого стиля Лоренцо Баскеса, спервые портавшего с господствовавшей тогда готикой. Но вандалы не питают почтения к кулачному и художественному сковоридам, не знаящим пощады.

Бескобольная внутренняя отделька дворца Инфантадо погибла от бомб немецких аэропланов. А в нижнем этаже дворца были прекрасные фрески, исполненные итальянским художником Ромуло Чинчинато. В зале, впоследствии превращенном в часовню, стены опоясывала фриз из портретов, внизу же шла великолепная, исполненная, сверкающая яркими красками цепь из разноцветных изразцов — шедевр испанского фаянсового производства.

Нет образованного испанца, который не гордился бы Эскориалом, и нет любознательного туриста, который, приехав в Мадрид, не поискал бы портрет деда для поездки в этот знаменитый монастырь. Среди унылой и ветхой обстановки монастыря на фоне белоснежной Синерри Глазодорами выстает величественный храм-дворец, который был посвящен католическому святому, а стал памятником художественного гения испанского народа. Свидетель многих исторических событий, Эскориал, дорожуя вековым образованностью испанцев, сделал как будто самостоятельный из построек талантливого зодчего Эррера и как галерею испанской живописи, подняв один из узловых пунктов гернической обороны Мадрида от наступающих французов. Несколько раз послагали французов на твердьни Эскориала, но они их бомбы повредили только второстепенные строения этого изумрудного архитектурного комплекса.

«Золотой век» в испанской живописи начинается с художников Санчес-Козьо и Эль Греко и кончается смертью Муньоса, т. е. продолжается от 1570 до 1662 года. Придворный портрет Филиппа II, благословленный и уравновешенный Санчес-Козьо изображался незамысловато, привыкнув к тому, что его картины, стремясь, только к выразительности, тональности. В то же время гениальный Течентопуло, прозванный Эль Греко, решительно покрывается с натурализмом и с глубочайшей страстью запечатлевает на полотне удивительные видения своей фантазии. Грек по пристрастию увлекался островами Крита, на которых в XVII веке длилось сражение византийской культуры. Течентопуло падал в бластище художественного образования в Италии, в мастерской самого Гигиана. Из Италии он переехал в Испанию и посыпалася навсегда в прекрасном древнем городе Толедо, бывшей

столице Испании. Течентопуло, так глубоко воспринял испанскую культуру, что стал национальным испанским художником, не забывая, впрочем, византийских впечатлений своей юности. Не подлежат сомнению, наличие знаменитейших испанских художников в испанской картине. Правда, если бы были замечены портреты, который интересовался не мечтами kostюма, как его современники, а внутренним миром человека; поэтому портретная галерея, оставленная им, блестче доносила произведения Сервантеса и Лопе де Веги, являясь драгоценным историческим документом. Всматриваясь в его потрясающие портреты архипелага Нињо де Гевара. Разве в одном этом образе не собрались все страшные черты

Картина Веласкеса

Завидуюсь от яча.
На листе выбирать некого.
Марокканцы и немцы идут!
Задирающий, отважный Младри! Рядом с облоком выстрида! Крестики двумя самолетом. Бомбы сброшены точно — Музей, как бумажный, горит. Нижний этаж квартала! Бумажи синий из железа! И спорные земли Сакисъ огненный град Из музея выносят гартины — Бессмертная картина! Веласкеса: Смытанен в соломенной шапке, Прозрачной, живой виноград. Ходят природы и гуманисты! Их призывают в гвардию! И его оторвано неуст Сказы оглохший от выстрелов гуа, Как болального ребенка сперва, А потом Как огромное знамя, И четыре соцоманды — Печальный его караул. А у нас На гражданской войне Не такое ли было зло? О башкирской дивизии слава Пойдет по просторам земли: Молодые бойцы На одном из случайных припадков Ломки пушкинских яиц Нашли И для нас сберегли.

Евг. Долматовский

испанской никанции? Можно было бы написать целую книгу о правдивости его шедевра «Погребение графа Оргаса», в котором художник изобразил томическую знать и интеллигенцию. Самое важное в творчестве Эль Греко — искренность, которая в сочетании с огромным мастерством делает его полотна глубоко поучительными для современных художников.

Веласкес не знал лично Грека, из гардин его любил и хранил у себя в мастерской Веласкес, конечно, не подражал Греку, но он вобрал в себя те элементы реализма, какие имелись у Течентопулоса, и сделал гордый скоков вперед.

Современники испанской настоящей революции в живописи. Веласкес первым из испанских художников Испании отбросил условности и стал прадиально изображать окружающую его действительность,искать вдохновения в самой жизни. Молодой Веласкес, только что окончив ученичество в мастерской поборника академизма Пачеко, перестает изображать святых, королей и германцев, изображающих жизнь и народную жизнь в испанской картине. Веласкес пишет картины о народной жизни и народном быте, картины: «Продавец волы», «Затягивающий Эрмитаж», «Яичница», «Пьяница» и др. Формарльное мастерство этих полотен поразительно; в двух словах о нем не скажешь и сле-дует только указать, что, начиная с французских импрессионистов и до последнего времени, многие художники вдохновляются Веласкесом. Видеть в нем непревзойденного ученика реализмического искусства, Веласкес был и остается одним из самых великих художников мира.

Спасенные республиканскими правительством от фашистских бомб сковозь Музей Прадо в Мадриде заслоняют в себе лучшую в мире коллекцию картин Веласкеса. Не даром этот Музей многими эпитетами считается на первое место по количеству шедевров, собранных в нем.

Прада, и Британский музей в Лондоне, и Лувр в Париже, и Эрмитаж в Ленинграде обширные Музеи Прадо. Но ни один из музеев мира не состоит, как Прадо, исключительно из величайших шедевров, в числе которых находятся произведения эпохи величайших испанских художников, и кисти которых живописи других стран Западной Европы.

Великими мастерами «золотого века» являются также Сурбаран, Рибера и Мурильо. Их великолепная живопись дополняет возвышенные черты Веласкеса, позволяет отчетливо определить своеобразие испанской живописи: от всех других живописей XVII века пошедших впереди реалистической живописи, эти величайшие сочетания благородства с привидностью: она полна идейности и пафоса, не впадая ни в сладчайшую, ни в ложь, ни в пошлость; несмотря на засыплю реакции в то время, испанские художники отразили и народную жизнь, притом без всякого оттенка карикатуры, саллюстии или синквилиатного сочтения.

В Музее Прадо хранится и санистическая по ценности и возвышенности коллекция произведений Гойи¹, также спасенная республиканским правительством. Интересно отметить, что мадридские газеты передко воспроизводят блещущие картины Гойи, которые получают теперь новое звучание — непосредственный призыв к народу бороться за свою свободу и независимость, против черной армии реакции и угнетения.

Таким образом, мы видим, что законное правительство республиканской Испании дает все возможное для спасения величайших художественных ценностей от бомб и снарядов фашистов. Но окончательную уверенность в сознании величайших шедевров мирового значения мы получим только тогда, когда узнаем о победе героического испанского народа над фашистскими варварами.

¹ Очерк о Гойи см. в № 11 «Синем», за 1936 год.

Литература народного фронта

До самого последнего времени, когда разговор заходил об испанской литературе, обычно называлась именем Сервантеса. А до Всех Кастильских, — испанской писательницей называемого золотого века испанской литературы — писателей XVI—XVII веков. Как Сервантес, создатель бессмертного образа Дон-Кихота, там и Аlope de Vega, автор страстных и высокодраматических драм, являются вершинами не только испанской литературы, но и всей мировой культуры. Всю эту испанскую культуру, включая гуманистов, тесная связь с народом и его традициями характеризуют творчество Сервантеса и Аlope de Vega. К их творениям обращаются сейчас взоры создателей новой испанской литературы, литературы народного фронта Испании, которая уже имеет целый ряд достижений.

Испанская литература XX века до сих пор делалась на два поколения писателей: одно творческое и практическое, другое — политическое. Поколение крупнобуржуазной и помещичьей интеллигентии, так называемое «поколение 1898 года», представители которого вступили в литературу после катастрофического поражения Испании в результате испано-американской войны 1898 года.

Писателям этого поколения долгое время представлялся собой прогрессивное явление в испанской общественной жизни, находясь в оппозиции к ней, но в дальнейшем, когда она стала для них в будущем-помещичьей «конституционной» республике 1931 года. Победа народного фронта в стране была встречена ими с большой настороженностью. На начало гражданской войны некоторые из них эмигрировали заграницу, некоторые перешли на сторону фашистов.

Наиболее честные писатели этого поколения отошли в сторону демократии. Так было с крупнейшим прозаиком современной Испании, одним из лидеров «поколения 1898 года», Рамоном де ла Валье Инаканом, умершим за месяц до победы народного фронта. Пoэты Антонио Мачадо и Луис де Гарсиа также перешли на позиции испанского народного фронта.

Младшее поколение испанских писателей на-

зывается «поколением 1930 года», так как эти писатели окончательно оформлены в 1930 году, году выступления революционной силы, выступившей после падения диктатуры кровавого генерала Примо де Ривера и за кончившейся свержением монархии Альфонса XIII.

В противоположность писателям старшего поколения эти писатели были выходцами из среды мелкой буржуазии, из рабочего класса и крестьянства. Поколение 1930 года все превратилось в будущую-народную республиканскую поддержку жестокого преследования со стороны правительства Леруаса-Хилья Роблеса. С образованием правительства народного фронта оно целиком стало на сторону этого правительства, организовало вокруг себя все лучшие писатели современной Испании.

Среди «поколения 1930 года» мы встретим много крупных фигура. Среди прошавших наиболее значительным писателем, общенациональным лидером революционной испанской литературы является Рамон Х. Сендер (родился в 1901 году), сражающийся в настоящее время в чине капитана в рядах республиканских войск.

Особенный интерес представляет его романы «Лирика» (1930), «Семь красных воскресеньй» (1931).

В этих романах дана последовательная история революционного движения в Испании за десятилетие, с 1921 по 1931 год (со знаменитой битвой при Аньяделе и до падения монархии).

В 1936 году Сендер выпустил большой исторический роман «Семь красных воскресеньй», напечатанный позже испанской прессой 1937 года (напечатан в нас № 11 журнала «Интернациональная литература» за 1936 год).

В молодой революционной поэзии руководящей фигурой является поэт Рафаэль Альберти (родился в 1902 году).

По творческому пути Альберти можно проследить от эволюции, которую совершает передовая западная интеллигенция, ищащая к

пролетариату и революции. Альберти выступил в литературе еще в 1925 году с отрывками из поэтической стихии «Буржуйская критика» называемой «хироманом молодых поэтов». Теперь же в поэме, написанной в 1936 году и посвященной знамени компартии, Альберти пишет:

«Чека, водитель неустанный,
Ты руку мою со своим
Звезда партии в бою —
Звезда нам будет постоянной».

На революционные позиции поэт окончательно перешел в 1933 году, когда в первый раз приехал в Советский Союз и видел горы, проливы, равнины, реки, мосты, аэродромы, спортивные сооружения, проводимого в нашей стране. За время пребывания в СССР он написал целый ряд стихотворений с острой революционной тематикой, создавших поэту популярность среди широких читательских масс: «Привет Красной армии» и др.

По возвращении на родину Альберти в том же году вместе с группой испанских писателей основал «Лигу испанской литературы» («Литер») («Октябрь»), справлявший большую роль в организации и становлении сна тогда еще молодой революционной литературы Испании.

Летом 1934 года Рафаэль Альберти вместе со своей женой, известной детской писательницей Марин-Тересой Леон, вторично приезжал в Советский Союз в качестве гостя на Всесоюзный съезд писателей.

Недавно Альберти и Леон снова гостили в Америке, им Месби и были принятые для беседы товарищем Сталиным. Вот что писали они об этом в своем дневнике:

«Товарищ Сталин еще сердечнее, еще человеческое все, что можешь сказать о нем. Мы были поражены честностью и правильностью его слов и суждений об испанских делах. Он говорил с нами самым сердечным образом о наших героях, наших народных вождях, наших крестьянах, наших писателях...»

Поэтическое мастерство Альберти весьма

Большое Сердце

(Окончание. См. стр. 23)

осмысливаемые цитатами профсоюзного клуба. Алина решала обнять позиции. Она знала, что уходит из смысла жизни: она думала о том, что готовится к смерти с ее радостью сладу победы, о тех, кто, может быть, не увидят завтрашнего утра. Она совсем не думала о себе.

Ночь. Автомобиль мчится по серой, изрытой спиралью дороге. Алина зорко взматривается в близкую темноту, сощурив глаза, чтобы не упустить из виду самыи опасный участок пути. Вот здесь начинается самый опасный участок пути. Республиканские позиции дальше, из склонов холма. Бецидная, однобородная разинина, кое-где перорванная холмами и кустарниками. Там, что впереди? Каждый шаг таит опасность. Напрягая взор, шофёр ложится на сиденье.

Лесистые холмы. Мрак. Шофер замедляет ход. Что там, за холмами? Алина прижимается к окну, первым сквозя фонарь света. Как томительно тянется минуты! И вот виновато шофер останавливается, дает задний ход. Впереди груда камней на дороге. Опасность...

— Стой!

Задела... Отряд вооруженных людей преградил путь. Врачи! Шофер пробует наворачиваться, но сзади вырастает новый отряд. Они в колле! Выхода нет, надо принимать бой. Шофер выматывает револьвер. Гулко отдается выстрелы в сыром ночном воздухе. Шофер, грохнувшись, падает на землю. Алина сражается на себе ударами. Правой флангом убивает себя Алина решает дорого прорвать свою жизнь.

— Я тебя не достану, бандиты!

Несколько раз она повторяет про себя:

— Не забыть оставить последнюю пулю для себя.

Осторожно, расчленяя, прачка в глубине машины, она выбирает мишени. Ни одна пуля не попадает в револьвер, даже в голову. Алина чувствует материнскую любовь. Но это не материнская любовь. Третий. Алина умеет стрелять метко. Она знает, что умрет, но эта смерть должна будет стать фашистам! Материнская страшно чистая, якородочная. Материнский пропитан страхом для нее. Аматеринская преобразуется в решето. Алина чувствует что-то в себе, что-то, что-то... Но это не то, что-то не входит в память альбиноса. Ни одна пуля не попадает в память альбиноса Никола! Она стреляет еще раз. Все... Осталась одна пуля, последняя. Она стреляет себе в висок. Кончен. Большое сердце маленькой девушки перестало биться.

Хищники бросаются к ней. Может быть, она еще жива!.. Может быть, удастся понаде-

ваться над ней в последние минуты? Нет, теперь исподвольно: выстрел был метким, как все выстрелы Алины. Материнский вздох ее труп, торжествующе тузут его по улицам Гренады. Через час после ее гибели отряд Алины за кончил задуманную ею операцию, которая стала фашистам 60 убитыми и 100 ранеными. Это было последнее прости ее преданных солдат. Морской крейсер «Альберт», побывавший Алину за время ее пребывания на корабле, салютовал ей залом по отсыпанному му врагу...

— Тебя больше не будет с нами, и все-таки мы чувствуем свою близость... Всегда розы, зелень, паданья, ты величайшие трудности встречала с улыбкой, полной злоровного оптимизма. И теперь тебе уже нет. Алина, дорогая, ком газы наполняются слезами, и мы и я: не стыдимся их потому, что память о тебе...

Это писала о Алине Одена другая замечательная женщина Испании, которой училась в Америке — Мария Доротея Нойбургер, сама скромная, но умевшая так хорошо говорить о героях других.

«Ты заслужила бессмертие. Когда будут уничтожены твои паданы, мы возложим на свободную землю Гренады, покрывающую тело, вечно зеленые цветы нашей нежности, нашей любви...»

йською и французскою большими вільяйє на разише всіх революціонних письменників.

Как известно, Испания — основная — страна-агрария, с бедствием бедного батракского населения. Понятно, какое значение в Испании должна иметь литература, посвященная деревне. Об испанской революционной деревне пишут многие; наиболее крупными и интересными писателями, посвятившими свое творчество изображению социальных сдвигов, приспособившим к современной деревне, являются Сесар М. Аргонада, Хоакин Ардерус и дрот Пла-и-Бельтран.

Сесар М. Аргонада пришел в литературу через журналистику. Он писал много и по самым разнообразным вопросам: о музыке — «Дебют», о кино — «Биографии теней»; писал он также и стихи. Но подлинную свою тему Аргонада нашел в 1931 году, когда выпустил роман «Губрина», посвященный показу деревни и пронизывающего ее идеи техники. В следующем романе Аргонады — «Бедники против богачей» (1933) — изображены первые месяцы республики. Сюжет его — борьба за землю, за труд.

В 1935 году Аргонада выпустил третий роман — «Дорога в Альбасете», описывавший показ деревни в предыдущем романе вооруженное восстание крестьян-батраков ограничивается забастовками, стачками и требованием повышения заработка платы, то в этом романе крестьяне имеют уже свою организацию и ярко выражают забастовки и распадаются помещичьим землям. Вот эти романы Аргонады — такая же по-символистски выраженная революция испанской деревни за последние десятилетия, как романы Сенчера — история революционного города за то же десятилетие. В настороже времени Аргонада сражается в республиканских войсках на астурийском фронте.

Последний на ком мы остановимся в этой статье — это коммунист Наскуль Пла-и-Бельтран (родился в 1906 году). Отец его был подданным, мать — рабочая. Пла-и-Бельтран прошел членом детства и юности, работая ползаком, мальчиком на мельнице, на велосипедном заводе, рабочим на ткацкой фабрике. Всеми лет работы на ткацкой фабрике, в этом аду капиталистической радионационализации, вывел будущего поэта на строку: он получила трубку —

Бросая работу, нечно головами, он вымучивался грамоте и сверхестественной работой над собой, занимаясь по шестнадцать часов в сутки в библиотеках (как он пишет в своей автобиографии), добиваясь всеобщего признания как крупный и самобытный поэт, значение которого не смогли замолчать или отрицать буржуазные критики. Оффициальная особенность этого порочного и необычайно сильной, образистой и выразительности языка при изумительной, чисто народной простоте и скромности.

Пла-и-Бельтран выпустил несколько сборников стихов... Наиболее значительным из стихотворений, однаково популярным как в Испании, так и в Советском Союзе, является «Сесади испанских детей о Ленине», где он писал:

«Сесади, о чём наши дети.
Утром собравшись, поют:
Ленин всех лучше на свете,
Раннего нету ему...»

Это стихотворение, отпечатанное в виде листочков-прокламации, распространялось по улицам Валенсии.

Крупнейшим созданием Пла-и-Бельтрана считается поэма «Шестнадцать» (1934), посвященная изображению знаменитых событий в Касас Вехас (о восставшей деревне, сожженной вместе с женами и усыпанный солдатами вояками). Это книга в стихах, которая получила большим успехом в Испании, была посвящена автором Максимилиану Горькому. В настоящие времена Пла-и-Бельтран состоит секретарем валенсийской ассоциации пролетарских писателей и художников Испании.

Но примером этого крупного поэта, принадлежащего к поколению писателей, которые видят, что испанский народ обладает подлинными российскими талантами, полному проявления которых может помочь только окончательная победа народа над наемниками немецких и итальянских фашистов, заливавших кровью его прекрасную родину.

Рафаэль АЛЬБЕРТИ

Радио-Севилья

Французский генерал Кейпо де Альво — один из руководителей антииспанской Народной азартной армии. Несмотря на различные методы «гуманности», этого полного дегенерата являются известные выступления по радио, переведенные угрозами и руганью по адресу республиканской армии.

— Внимание! Радио Севилья!
Кейпо де Альво хрипло лает,
Молчит, хочет, ржет, ревет
На четырехпальцах... Эй, сельвом,
Внимание! Радио Севилья!
Здесь я, Испания спаситель,
Хвала бутылкам эрате!
Сегодня ночью и в зуму
Монторо, и понедельник взаша.
Я Херес... Что там дальше? Вторник?
В вторник, значит, я беру
Монтельяно и Касалло, в среду —
Чинчон. В четверг... в четверг с утра
Я въмы облегу в Мадриде
Все стойла... ну, и все конопли.
Там теплым густой навоз
Мне будет многое подстаканье.
Ах, что за наслаждение спать,
Когда тебе подушками служат
Для морды, от вина распухшие,
Две полных дверуки корумпированы
С луншином сеном... Что за честь,
Когда тебя в недугодок
Ведут на кулинарию... Принтио,
Сеноры, на своих конятах
Увидеть новые подковы,
Как жар, на них пылают гвозди.

Их храбрым Франко заслужил
В опасной Африке... Я чую,
Как будто шире стали плечи,
Мой зад вздыхает... растут
В пространство уши... стали зубы
Длинней и болеющими... Мне подруга
Теска... Поводья отпустила,
И я понес, пошел галопом,
Галопом да... Нет, лучше шагом:
Так зашла буду я в Мадриде,
Немедля все закрою школы,
И все открою кабаки,
Какой там учи-вер-си-тер!
Какие ин-сти-туты... издор,
Все это издор... Рад и спаситель
Испании, так и хочу,
Чтоб мне вино вечно на встречу.
Алло, алло... Прошу внимания,
Внимание... Говорят Севилья,
У микрофона генерал,
Начальник крепости... Алло...

Ревет, смеется идиотом,
Потом... потом храпит, потом
Кейпо де Альво умоляет.

Перевод с испанского

Ф. КЕЛЬИНА

Рисунок художника Н. Лисса

...Ревет, смеется идиотом...

НЕПОБЕДИМЫЕ

Эскадрильи

планировался вокруг пожарища, начиняя его бомбами и снарядами.

Тем временем в воздухе продолжается бой. Первое, преследование последнюю отступающую «Гейнкеля» и «Флатта». Ободранные успехом, республиканские летчики буквально терзают свою обезумевшую фашистов и сбивают еще два неприятельских истребителя... Весь бой, который, казалось, тянулся целую вечность, на самом деле продолжался 27 минут.

Так сообщает из Мадрида 16 февраля Михаил Колычев.

Доблестная авиация республиканцев! Кто с любовью и восхищением не проносит имен ее героя: капитана Антонио, Энрике Лореса, Хосе Гарсия и многих других! Кто не раздается блестящим победам республиканских летчиков, растущими цифрами сбитых или обрашенных в беспечно германских «Юнкерсов» и «Гейнкелей», итальянских «Капрони» и «Фиатов»!

У кого не снимаются от сладчайшей изынности куваки при воспоминании о Хосе Гарсии, республиканском летчике, взлетом в плен и убитом фашистами, сбросившим его изуродованный труп на мадридский бульвар...

ТЕОРИЯ, ПРОВЕРЯЕМАЯ ПРАКТИКОЙ

В Испании, первой стране, привившей на себя вооруженный удар фашистских империалистов, решается крушение проблемы современного военного искусства, в том числе и вопрос о массовом применении авиации. Испанская драма как бы приоткрывает занавес над гуманными новоявлениями будущей «большой войны».

В Испании международный фашизм проворачивает теорию воздушного нападения, разработанную после мировой империалистической войны 1914—1918 годов.

Вот основные положения этой теории:

«Действуя по наблюдению чувствительных насыщенных приборов, можно выявить вражеское присутствие и уязвить в неприятельскую страну, быстро разбить ее материальное и моральное сопротивление. Такой тезис выдвинул еще в 1921 году основоположник современной буржуазной теории самостоительного применения воздушного флота итальянский генерал Джулио Дуро, пропагандист и автор «адресованного документа итальянской генеральности в области военных наук»¹.

С итальянцем Дуро перекликается другой известный современный военный писатель, английский генерал Фуллер. В 1923 году Фуллер в книге «Формирование войны» писал, что воздушному флоту «нет необходимости нападать на вооруженные силы противника, раз он может непосредственно сокрушить воюю его народ»².

Теория Дура и Фуллера нашла широкое признание в фашистской Германии. Многие из наших читателей известны напутствию романа немецкого майора Гельдерса «Воздушная война 1936 года (разрушение Парижа)», выпущенный в свет еще до фашистского переворота в Германии, переделанный на русский язык и немногие, вероятно, знают о многочисленных попытках Гельдерса и его союзников, на все лады пропагандирующих необходимость создания мощного агрессивного воздушного флота.

¹ См. Джулио Дуро «Господство в воздухе», Гене, 1935.

² См. Дж. Ф. К. Фуллер «Формирование войны», Гене, 1931.

Поставить народ противника «на колени» путем «беспрецедентной воздушной войны» — такова по этим теориям основная задача воздушных сил.

Развитие воздушных флотов капиталистических стран, особенно Германии и Италии, шло в последние годы под знаком осуществления этой теории. Достаточно сказать, что бомбардировочная авиация в этих странах составляет 60% всего флота, состоящего из боевых самолетов.

Свою теорию итальянцы франко-испанские пытались проверить на опыте вторжения Альбиссано; однако благодаря специфическим особенностям и трудностям альбиссанского театра военных действий не удалось считать подавляющим для Европы. Но вот с 18 июля 1936 года (дата начала военно-фашистского мятежа в Испании) началась после мировой войны 1914—1918 годы, самой первой страной Европы испанская авиация уже более спокойно ведет свою смешанную работу. В воздушных пространствах Испании, над деревнями испанских городов, германские и итальянские фашисты развертывают «настоящую» войну, служащую фашизму (в мечтах его воинов) господству над миром и в первую очередь сокрушение ненавистного им Советского союза...

Еще рано подводить окончательный итог этой «экспериментации»; однако ряд положений уже представляется нам достаточно ясным.

БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ

«Господствовать в воздухе — значит быть в состоянии подспудно подавливать неприятеля, сохраняя эту возможность за собой», — пишет Дуро.

«Завоевать господство в воздухе — говорит он далее... — это значит победить».

Борьба за господство в воздухе выражается прежде всего в стремлении уничтожить воздушные силы противника на их аэродромах; превратить их несущий их материальный, наименее базовый, элемент в беспомощную, громоздкую систему боевого питания (торпеды, боеприпасами, запасными частями); разрушить авиационные заводы; наконец, настичь противнику ряд поражений в воздушном бою.

В начале фашистского мятежа в Испании авиация республики количественно превышала авиацию мятежников в два с половиною раза (у мятежников было около 100 самолетов, у республиканцев — 200 в большинстве устаревшей конструкции); однако не одна из сторон в первом период борьбы не могла ступить перед своей азиатской решительной реальностью: сначала были недостаточны. Но очень быстро положение изменилось — не в пользу республиканцев: уже в августе мятежники получили значительное количество новых самолетов (в частности, было около 100 германских и итальянских бомбардировщиков и истребителей новейшей конструкции). Это позволяло фашистам действовать в наступление в воздухе. Нападениями на аэродромы правительственный авиации в Хетафе (близ Мадрида), в Альхадаро (близ Кордовы), в Малаге, в Андухаро (близ Кордовы) вынели из строя значительное число республиканской авиации, в то же время заметно усиливались пропагандистские «Гельдерсы». «Однако под устремленными истребителями республиканской авиации мятежников действовала почти безнаказанно. В этот второй период ее роль в борьбе была чрезвычайно велика. Небestreльные и недостаточно дисциплинированные части народной милиции нередко обращались

«Около 17 часов мы видели новый воздушный бой, в котором с обеих сторон участвовало участие около восемидесяти самолетов. Результатом этого боя было прорвавшееся в пастной строй, окружавший десант бомбардировщиков «Юнкерс», и атаковано их. Несколько минут скватки — и два «Юнкерса» начинают падать. Одни, с воспоминанием скользящими крыльями медленно, обрываясь скользят к земле по кривой, а другие падают горизонтально. Четыре человека с парашютами отделяются от машин. У одного парашют не раскрылся; он тяжелые благополучно спускаются и попадают в плен к республиканцам. Республиканские солдаты в восторге бегут к падающему на землю огромному самолету. Командир еле успеваетстановить их: начинают взрываться уцелевшие на самолете огромные бомбы. Со своей стороны, фашистская артиллерия, увидев скло-

митской авиацией в беспорядочном бегстве и искал большие потери. Наступление мятежников на землю обеспечивалось, как правило, предварительными ударами с воздуха.

Это положение длилось недолго. Наступив третий период борьбы в воздухе. Резко увеличилась сила и возросла активность республиканской авиации. В конце октября республиканская авиация перешла решительную контратаку. Радиоинформация нападавшей на аэродромы снарядов не только уничижала германские и итальянские самолеты в Касересе, Талавере, Сепилье, Гренаде и других местах, но и вынуждала мятежников перебазироваться всю свою авиацию на 100—150 километров вглубь от фронта.

Первым, в союзническом снаряде привнесшим в дело новые правительственные истребители, был ноябрь, когда начались интенсивные воздушные бои под Мадридом, фантисты потерпели ряд жестоких поражений. Телеграф почти ежедневно разносил миру вести о блестящих действиях отважных летчиков республиканки, о событиях «Гейнекеля» и «Онсервса», притом потерты фашистами. По данным самих мятежников на конец января только одна Германия потеряла 119 самолетов и 243 летчика; общие же потери авиации мятежников, вероятно, превышали эти цифры в 2—3 раза.

В итоге фашисты уже не решаются предпринимать воздушные рейды бомбардировщиков без надежной охраны истребителей. Наступает четвертый, наиболее яркий период борьбы в воздухе — период успехов республиканской авиации. Кто из наших читателей не знает, что теперь отряд в 6—10 «Онсервов» (бомбардировщиков) всегда сопровождают 30—40 «Гейнекелей» и, прежде чем сбросить свой смертоносный груз, фашисты вынуждены парировать яростные атаки истребителей, стремясь избежать потерь. Всему актерство такого и то, что цифра потерты мятежников в эти бои, как правило, значительно преисходит потери республиканцев.

Неопорожненным фактом огромной важности является и то, что республиканская авиация стала частью общего фронта сопротивления в воздухе. Ей предприняты штурмовые и бомбардировочные действия против наземных войск мятежников и их складов, воинских запасов и железнодорожных узлов.

Легенда о непобедимости фашистской авиации развенчана. Испанский народ убедился в

том, что фашистов можно бить не только на земле, и не в воздухе. Это убеждение вдохнуло новые силы в ряды защитников Мадрида и всего антифашистского движения. Не будь подобной испанской авиации, кто знает, было бы им сгодится Мадрид республиканским?

В этом огромная историческая заслуга доблестных республиканских летчиков, лучших сынов земли испанского народа!

Но чем же обозначить победу республиканской авиации, в чём секрет ее успеха?

Во-первых, на стороне фашистов сражаются хотя и более опытные, но в массе своей наименее «добровольцами» летчики, вовсе не желающие жертвовать жизнью из-за карьеры генерала Франко и его приверженцев. «Удивительно, как у них отсутствует солидарность и сплайка в атаке!» — воскликнул испанский летчик, беседуя с Михаилом Колдровским («Правда» от 10 января 1937 года); отсюда уклонение от боев, бегство при малейшей неудаче.

Республиканские летчики дерутся не за выживание, а за свободное существование родного народа. Убежденность в правоте своего дела, сплайка, самоотверженность, внутренняя дисциплина — вот что делает революционного бойца непобедимым. В этом величайшая сила испанской революции, в этом залог ее окончательной победы над фашизмом.

Немаловажной причиной поражения мятежников, по мнению ажетатов, является также недостаточное военное качество германских и итальянских самолетов. Все эти «Онсервы» и «Капроны» — машины далеко не лучших марок; новые самолеты правительства испанской авиации присходят к ним по своим летно-техническим данным.

Та скорость германского бомбардировщика «Онсерв Ю-52», и итальянского «Капрона» не превышает 270—280 километров в час. Сейчас это уже немыслимо показателем. Но даром в феврале английская газета «Джорнэл геральд» сообщала, что германские бомбардировщики неудовлетворительными результатами «печатаны» некоторыми новыми германскими самолетами на театре военных действий в Испании.

Современная техника в руках беззаветно преданных делу народного фронта людей — вот что обеспечило победу правительственной авиации!

Фашистское «господство в воздухе» оказалось весьма недолговечным, и если бы не непрерывная помощь с самолетами из Германии и Италии, фашистские воздушные силы в Испании, вероятно, уже не существовали бы вовсе.

Испанский опыт, таким образом, подтверждает справедливость доволов многочисленных оппонентов Дуэя (и в частности ряда советских авторов), доказавших невозможность господства в воздухе. Нет, это может быть такого господства: возможно временное (более или менее длительное) превосходство в воздухе, причем в течение войны оно может переходить из рук в руки, в зависимости от меняющейся обстановки и соотношения сил.

Но лучше обострить дело с проповедью другого фашистского тезиса — о беспощадных действиях авиации, якобы способных в кратчайший срок решить исход войны без всякой участия наземных армий.

Вспомним, что и посмертный труд Дуэя — «Испания в 1936 году» — в главе о войне Гальвеса «Воздушная война 1936 года», и ряд других пропагандистских писаний подобного характера

рисуют будущую войну как одиночное нападение авиации на жизненные центры противника, решающее исход войны... в два—три дня.

Однако борьба за Мадрид опровергивает все эти рассуждения как карточный домик.

На самом деле, Мадрид не является целью нападения авиации, но, во всяком случае, бедствие, причиненное фашистской авиацией Мадриду, во много раз превосходит все перенесенные европейскими столицами, подвергавшимися воздушным нападениям в мировую войну 1914—1918 годов. Так, за 4 года войны в Лондоне погибли германской авиации более 1000 человек, в Амстердаме — 1880 человек, в Мадриде только за 10 дней сражений со фашистской авиацией погибло 1936 человек. За 4 года войны немцы сбросили над Парижем 31 тонну бомб. Такое количество бомб сейчас могут поднять 15 «Онсервов» или «Капронов» за один взлет.

Вспомни страдания населения Мадрида от воздушных бомбардировок. Редко когда в истории предпринималась готовность к борьбе за идеи народного фронта оказывалась сильнее фашистских бомб! Мадриду не только не удалось, но вот уже нескользимо месяцев подряд находиться в положении оперативного полуокружения, под атаками и с земли и с воздуха, в обороне его сейчас гораздо крепче, чем в первые дни осады!

ВОЗМОЖНА ЛИ ОБОРОНА?

Исходя из этой господства в воздухе и беспощадной воздушной войны, фашистские теоретики сложны преувеличивать силу воздушного нападения, совершившего отрицательные изменения в стратегии и тактике воздушных ударов.

Однако, в этом положении находятся и азартные марксистские дивизионы. Одним из аргументов в защиту положения является заявление членов марксистской дивизии:

Между тем мышцы немало тщетно последователей Дуэя, которые из этой мысли сделали

практические выводы, приходя к полному отрицанию целесообразности развития истребительной авиации, обивали неумной и изнанкой себя зенитную артиллерию и другие наземные средства противовоздушной обороны. Уроки борьбы в Испании полностью опровергли эти ошибки. Испанская зенитная артиллерия, распульбанизм сосредоточил все усилия своей артиллерии на нанесении ударов по территории противника (т. е. на воздушном наступлении), оставил Мадрид без средств обороны с воздуха? Конечно, нет; подобное решение было бы абсурдом, потому что неиссякаемо, к быстрой победе приведет. Мадрид остался.

Командование республиканцев применяло единственно правильную тактику, заключающуюся в умелом сочетании наступления и обороны с воздуха и в переходе от обороны к активным наступательным действиям.

Условия противостояния обороны Мадрида и наступления республиканцев. Фронты наземных войск проходят неподалеку по западной окраине города; район Мадрида фактически охвачен противником с трех сторон: с севера, запада и югоиздада. Задолговременное предупреждение дружин ПВО о воздушном нападении противника при таком изнечертании фронта абсолютно невозможно: мятежники имеют полную возможность наступать везде.

Но даже в этих труднейших условиях испробительная авиация республиканцев вписала блестящие страницы в славную историю обороны Мадрида, она неоднократно не только прорывает врага, но и находит ему жестокие удачи.

Самолет-истребитель блестит себя оправдана. Это маленькая машина (обычно одноместная), вооруженная нескользкими пулеметами (2—4) или 1—2 мелаканберными пушками, стреляющими только вперед, по направлению полета. Возможность ведения огневого боя одновременно с истребением ограничена самим устройством вооружения: машина должна атаковать и совсем лишен способа самоборьбы. Но колоссальная скорость (в современных образцах — свыше 500 километров в час) и исключительная поворотливость истребителя делают его грозным противником, особенно в воздушном бою с относительно тиходыми бомбардировщиками типа «Юнкерса» и «Кароны», перегруженными в тоннаже паратдельсон-тандемными бомбами.

Вот почему активность и отвага истребителей республиканцев заставляют сейчас фашистов экспортировать своих бомбардировщиков целими эскадрильями «Гейнхель» или «Фин-

тов». А летят над территорией республики в одиноко фантастики теперь не решаются.

Менее ярко проявил себя пока известье средства ПВО: зенитная артиллерия, пулеметы, прожекторы. Повидимому, республиканская армия белла этими средствами; однако и на зенитной артиллерией, и на пулеметах, и на метным огнем у Мадрида сбито 2 самолета мятежников; 16 октября зенитная артиллерия сбила у Робледо и в районе Альгодор 3 бомбардировщика и т. д.

Наиболее ярко проявил себя предпосылок для усиления средств ПВО, выразившийся в частных инициативах: спасение Мадрида, в частности, английским правительство, видимо, уже узло этого спас, прямая рецензия о сформировании двух новых дивизий ПВО.

* * *

Сила современной армии отнюдь не исчерпывается только ее авиацией, и последняя не

способна решить все задачи вооруженной борьбы. Отличная роль танковых войск, артиллерии и пехоты оставшейся повремя самим массовым и решавшим родом войск.

«Задача военного искусства состоит в том, чтобы обеспечить за собой все роды войск, достичь их взаимной согласованности и умело сочетать их действия» (Сталлин).

Создать подобную современному армии, состоящую из разных родов войск, умело взаимодействующую между собой, подчиненных единому командованию, одновременно организованных и обученных, спланированной и подготовленной к бою, — это задача великого долга — вот фантастичная задача народного фронта в Испании, и эта задача уже осуществляется.

От полного решения этой задачи зависят конечный успех борьбы.

Гадина международного фашизма должна быть и будет уничтожена испанским народом!

Заседание комитета обороны Мадрида. В центре — генерал Миаха.

П. ПАНЧЕНКО

M A T Ъ

Памяти Хозе Галарсы, героя республиканской авиации

Не туман — брана покрыла
Непрступную столицу.
Ночь... У изголовья сына
Ты, бессонная, сидишь.
В доме столько ожидания,
Тишина такая в доме,
Что у ног твоих застывших,
Не пугаешь, ходит мыши.
Ночь... Но ты не спишь. Ты хочешь
Видеть сына... Тише... Вот он!
Ты забываешь — не видела,
Как вошел он в темноту.
Вот лежит — большой, усталый.
Нет, не надо прикасаться!
Мертвый холодок подушил —
Он убьет твою мячу...
Ты уснула — не смыкала,
Как на щитках он висел.
Возвестил утром бомбы,
Крики женщин и детей.
И опять от баррикады
К баррикаде ты проходишь.
Дует ветер. Но не слушает
Снега с головы твой.

— Говорите, не видали?
Молодой, высокий, смелый —
Весь в отваге. Вот только брони
И глаза, глаза мои.
И гладят бойцы с тоскою
В два колодца, отравивших
Грозовую ночь Мадрида,
Бедную горя и любви.
— Улетел и не вернулся...
— А! Так, значит, сын твой летчик.
Может быть, под Ошедо
Переброшен твой снедчик?
Знаешь, ты же побывала
В Комитете обороны:
Старый генерал Миаха
Знает, где и что и как...
Спотыкаясь, как слепая, —
Ты опять идешь Мадриком,
Над тобой блестит бескрайний
Голубой синевой путь.
— Небо, небо, с колыбели
Мальчиш мой к тебе тянулся.
Почему же ты не хочешь
Сына матери вернуть?

Ты бойца остановила:
— Молодой... высокий... смелый...
Ах, другинник, ты напомина
Чем-то сына моего...
Но другинник — давние, в битву!
На окраине Марселя
Вот такая же старушка
Дни и ночи ждет его...
Бонбом мавров белокурых —
Мамо! Ты прошла к Миахе.
Назови лиши имя сына —
И пропустит часовой.
Генерал Миаха скажет...
Генерал Миаха знает,
Генерал Миаха скажет...
Нет же! Нет! Не скажет старый.
Что вернулся малчик твой.
Боль седого генерала,
Как сестра, с твоим скожа:
У него семье отныне,
У тебя...

— Не плачь, не плачь!.
Люди, люди, кто ей скажет,
Что сегодня с парашютом
В страшном ящике кровавом
Сбросил летчика на землю?

О КНИГЕ, КОТОРОЙ ЕЩЕ НЕТ

Михаил Колтцов.

Эта книга еще не дописана. И неизвестно, когда будет дописана. Еслай в дело стало только за автором, то без всякой задержки написала бы он посланием ее главу, изображающую переход республиканской Испании, побежденной фашистами, от войн к мирному труду.

Мы уверены, что книга будет дописана и последняя глава расскажет именно об этом. Представим себе, что это уже совершилось в первый экземпляр книги — только что из-под машин — лежит перед нами...

Необикновенная книга! Замечательная книга! Беци обычного размера чередуются в ней с кратчайшими, в несколько строк, потому что лаконичные донесения с фронта, десятистрочные телеграммы о мероприятиях республиканского правительства, беглые зарисовки из школьных фраз тоже входят в эту книгу.

В самом деле, почему бы им не войти?

Невозможны разграничить, разложить по полочкам работу Колтцова в Испании: вот это, мол, — произведение писателя и надо же пережест газетный лист, а это — торопливая запись журналиста, которая не мискается вне газетной полосы... Нет, к Колтцову такие мерки не подходят!

Превосходный очерк, принадлежность которого к художественной литературе не вызывает никакого сомнения, включает и анализ политической ситуации, написанный точным и строгим языком первом публиканцем. Кратчайшее донесение с фронта знакомит нас, как бы мимоходом, с живым обличием героических бойцов.

С одинаковым вниманием и воленсии читаем мы фельетоны, запиравшие два подвала в газете, и десятистрочные заметки.

И тут обнаруживается, что Колтцов видел в Испании поразительное много.

Он видел «Барселону, нарядную красавицу Средиземного моря», и уличные бои в Овьедо. Он присутствовал на премьере советского фильма «Мы из Кронштадта» в осажденной столице Испании. Он наблюдал героическую атаку республиканских танкостов на тесных улицах кроткого города. Он беседовал с католическим президентом автономной страны басков и мал-

ридскими работницами в очереди за молоком. На самолете, в автомобиле, в такси, пешком, он успевал повсюду. Никакие опасности не останавливали его.

Чтобы описания орудийного ада, мы догадываемся вдруг, что автор картины находился в положении столь же опасном, как и любой из бойцов, о которых он пишет и за судьбу которых сминаются тревогой наши сердца. Но ни слова о себе! Только однажды коротко сообщает, что в автомобильной катастрофе сломал правую кисть и вывернула ступню. Но и это не больше чем любопытная подробность обстановки. «Шофер Хозе, молодой парень, с немножком тихим лицом и глазами газели, ездит, как все здесь, то есть как будто помешанный». Тот же Хозе при виде легкой операции, «закрыва лицо руками, ложится на кушетку. Он, оказывается, не выносит крови. «Я первый», — говорит он».

Но какими билическими сарказмом сменился русская умалка колтцовского юмора, когда говорит он о врагах! Он описывает «ночной фиэр» Испании. Враческое радио сообщает Мадриду, что «сенатор Франко не считает правильным овладение городом огнем и мечом и будет в этой операции избегать лишнего прантизма кровви...

«В это же время, — добавляет Колтцов, — трехтоморные самолеты ораторы сбрасывают взрывательные бомбы на частные дома, на заварсты столицы. Грехот взрывов за окном заглашает передачу. Выкальчатся городской ток, радиопартер умолкает. Мы так и не можем узнать всех человеколюбивых намерений герцога Франко».

Но не юмор, не сарказм — главная интонация этой книги: каждая страница ее дышит горячей любовью народу Испании, вымущенным первым принять на себя удары фашизма, репетирующего «большую войну».

Книга показывает нам храбрость и упорство, достоинство и великолепие героического испанского народа. Его простолюди, которые организовали лучший — пятый — полк и составляют кости всех остальных. Его женщины, от памятного Пасионари на безвестной рабочей вдове, отданные свою кровь раненному бойцу. Его летчики, которые разрушили легенду о непобедимости фашистов.

Но мы не теряемся среди этого множества людей и событий.

Потому что — о чём бы ни писал Колтцов — он всегда пишет о главном. Большевистский журналист беззабочно находит политический сюжет событий и сюда устремляет свое «внимание».

Перед нами первые его телеграммы, сообщающие о том, что германский фашизм оказывает помощь белым Франко. «Не будь ее, это можно утверждать со всей ответственностью, — мятеж был бы ликвидирован и народ Испании вернулся бы к мирному труду», — пишет Колтцов.

Дальнейшие телеграммы тщательно анализируют причины побед и поражений, рисуют одновременно и храбрость испанского народа, и его недостаточную блестяность, боевой дух и малый боевой опыт. Колтцов ингредиент не льстит, не прихващивает. Честно и строго, с подлинным глубоким волением большевика, рассказывает он о борьбе масс, отстававших свою республику от армий фашизма.

Из разрозненных партизанских отрядов в Испании рождается сильная, дисциплинированная армия, подчиненная единому командованию, закаленная в боях. Колтцов внимательно наблюдает ее рождение. Строятся казармы в Мадриде, налаживается военное хозяйство — хорошо! Выкованы надежные кадры комиссаров и командиров — очень хорошо! Побеждены бойцы, летчики стали обращать в бегство «Юнкерсы» и «Капрони» — отлично! Да, такая армия сумеет прогнать фашистов с испанской земли!

Когда это случится, тогда и будет дописана Михаилом Колтцовым последняя глава книги.

Пока же ему, мужественному большевику-писателю, мы посыпаем нашу горячую благодарность и любовь.

Л. СЕМЕНОВ

Девушки рабочих кварталов Барселоны проходят военное обучение.
Фото Р. Кармен и Б. Максеева.